

**ОБРАЗОВАННОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
конца XIX—начала XXI вв.**

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.Н. РУТКЕВИЧ

**ОБРАЗОВАННОСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
конца XIX—начала XXI вв.**

Москва • 2007

УДК
ББК

Р

Рецензенты:

академик РАН *Г.В. ОСИПОВ*,
доктор социологических наук *В.К. ЛЕВАШОВ*

Руткевич М.Н.

Р Образованность населения России конца XIX–начала
XXI вв. – М.: ИСПИ РАН, 2007.

ISBN 978-5-7556-0381-2.

Брошюра члена-корреспондента и советника РАН М.Н. Руткевича посвящена проблеме уровня образованности населения России за период с конца XIX в. до начала XXI в.

Для научных сотрудников, специалистов, политиков, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется вопросами социологии образования в России.

ISBN 978-5-7556-0381-2

© ИСПИ РАН, 2007

Введение

Уровень образованности населения страны (*нации, этноса, государства*), притом не меньшинства, а подавляющего большинства, а в наши дни *всей* массы населения является важнейшим признаком ее (его) *цивизованности*. Мы особо подчеркиваем значение **массовости** получаемого образования, поскольку высшие классы европейского общества в XIX в., а тем более в XX в. обеспечивали своему молодому поколению, как правило, получение высшего образования. Сказанное выше полностью относится и к России. Именно из дворянства, а к концу XIX в. и в начале XX в. в большей мере из буржуазии и «разночинцев» вышла плеяда великих русских писателей, композиторов, художников, ученых, обеспечивших ведущую роль России в развитии европейской и *мировой* культуры.

К началу XX в. в России сложилось глубочайшее **противоречие** между высоким уровнем образованности «верхов» общества: и **неграмотностью основной части трудящегося населения страны, прежде всего крестьянства** (составлявшего 80% населения) и подавляющего большинства комплектовавшегося из разорившегося крестьянства, весьма быстро растущего **рабочего класса**. Это противоречие нашло яркое выражение в том, что творчество Л.Толстого, по меткому выражению В.И.Ленина, стало «шагом вперед в художественном развитии человечества» [1]. Эта высочайшая оценка должна быть отнесена не только к Л.Толстому, и не только к художественной литературе (Тургенев, Достоевский, Чехов, Горький и др.), но и к театру (реалистическая система Станиславского), музыке (симфонии и оперы Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского, Рахманинова), хореографии (что оценила вся Европа после «парижского сезона» Дягилева), живописи (картины «передвижников», «мира искусства») и т.д. Аналогичный взлет наблюдался также в российской науке: в математике (создание неевклидовой геометрии Лобачевским), теоретическом естествознании (Менделеев, Бутлеров, Павлов, Вернадский и многие другие). Высшие достижения человеческого разума в стране, где большинство населения не знало грамоты! В этом мы видим выражение глубоких противоречий между образованностью верхов общества и темнотой его большинства.

Обрисованное нами здесь кратко противоречие в сфере *духовного* развития общества имело своей **основой** глубочайшее *социально-экономическое* противоречие между потребностями хозяйственного развития страны, преодоления векового отставания в развитии производительных сил и обусловленного им чрезвычайно низкого уровня жизни большинства населения. Отставание страны от передовых стран Запада закреплялось системой устаревших *общественных отношений*. Монархическое самодержавие выражало и обеспечивало интересы эксплуататорских классов – владение основной части земельных угодий крупными помещиками во главе с царской фамилией (удельное ведомство) и быстро набиравшей силу хищнической буржуазией. На службе правящих классов находилось насквозь продажное чиновничество и разветвленный аппарат государственного насилия (полиция, жандармерия, тюрьмы, при необходимости без стеснения использовалась армия).

Преодоление этого **основного противоречия в Октябрьской революции 1917 г.** открыло путь для преодоления вековой отсталости страны, в том числе рассматриваемого нами глубочайшего противоречия в сфере культурного развития – неграмотностью подавляющей массы населения и весьма высоким уровнем образованности правящих классов и скомплектовавшейся из их среды, а со второй половины XIX в. также из представителей «разночинцев» интеллигенции.

Самым первым шагом **культурной революции**, которая была провозглашена одной из основных целей Советской власти, была *ликвидация неграмотности* большинства граждан как коренной предпосылки для быстрого подъема образованности *всего* населения страны. За считанные десятилетия Россия по уровню образованности молодого поколения (до 30 лет) вышла к концу советского периода в число самых передовых стран мира. Этапными постановлениями Советского правительства в данной сфере были: Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения» (1919); Постановление Правительства о введении всеобщего 4-летнего начального образования (а где для этого есть условия, – семилетнего) (1930); реформа 1958 г. о введении всеобщего неполного (8 лет) среднего образования; вошедшее в Конституцию СССР По-

ложение о введении всеобщего среднего образовании всего молодого поколения (1977). Ясно, что в силу многообразия условий громадной страны и необходимости известного времени для накопления материальных средств и подготовки в должном объеме преподавательских кадров, каждое из этих исторических решений определяло *вектор* развития системы образования, но провозглашенные в них цели поневоле осуществлялось постепенно и весьма неравномерно по регионам громадной страны. Общий результат колоссальных усилий на протяжении 70 лет по подъему образованности населения нашел выражение в том, что к концу 80-х гг. до 90% молодого поколения (до революции в основной массе неграмотного) получали (в разных формах) *полное среднее образование*.

В соответствии с названием статьи далее будут поэтапно рассмотрены *три основных периода* в развитии образованности населения России за сто с небольшим лет. Первый период – с 1897 г., когда в России впервые была проведена всеобщая перепись населения, до 1917 г. Второй период – с 1917 г. по конец 80-х гг. XX в., этот период можно назвать *советским*. Третий период начался с распада СССР в 1991 г. (в результате которого Россия осталась в пределах РСФСР, т.е. была «урезана» до размеров нынешней Российской Федерации), и одновременно происходившего в РФ и других постсоветских государствах коренного преобразования социально-экономического и политического строя. Суть этого преобразования – переход от построенного в основных чертах социализма к капитализму «периферийного» типа – поставщика топливных ресурсов и прочего сырья (необработанный лес, минеральные удобрения и т.д.) в страны высокоразвитого капитализма на Западе, а затем и Востоке. Этот период продолжается, по существу, поныне в первом десятилетии XXI столетия, что находит свое выражение в продолжающемся отставании научно-технического уровня материального производства (0,5% мировых инноваций), глубоком упадке сельского хозяйства, разрушенной инфраструктуре страны (жилье, коммунальное хозяйство, дороги, почти полная потеря торгового морского флота и т.д.). Указанные исторические периоды развития нашей страны *коренным* образом отличаются друг от друга по социально-экономическому и политическому строю, и поэто-

му по системе образования и тенденциям развития образованности населения.

Для раскрытия обозначенной в заглавии статьи темы нельзя ориентироваться только на давно употребляющийся критерий образованности населения – уровень его грамотности. Для наших целей особенно важно учитывать образованность населения в самом активном рабочем возрасте – от 20 до 50 лет. Критерий уровня грамотности, по сути, перестал действовать для развитых и большинства развивающихся стран. Для нашей страны он в советский период также постепенно утрачивал свое ведущее значение по мере ликвидации безграмотности населения; эта задача была в основном выполнена еще до начала Отечественной Войны.

Таковы причины, которые обусловили обоснованное нами здесь предложение – **ввести новый критерий образованности населения**, соответствующий условиям развитых стран мира, а также нашей страны, после того, как проблема ликвидации неграмотности была решена. Следует, однако, заметить, что первый критерий в глобализирующемся мире не должен быть полностью сброшен со счетов, притом не только для отсталых стран «третьего мира», но и для России. В результате ельцинских «реформ» 90-х гг. он в РФ в настоящее время *вновь* стал весомым, сохранил частичное значение отчасти для самых отсталых окраин, отчасти для РФ в целом. В результате «ельцинских» реформ появился слой неграмотных и полуграмотных подростков и даже известной части призываемой в армию на срочную службу 18-летней молодежи, а также неконтролируемого роста иммиграции и ряда других причин.

Говоря о полученном от царизма наследстве, следует исходить, прежде всего, из результатов Первой всероссийской переписи населения 1897 г. Заметим, что в отличие от стран Западной Европы, в данной переписи грамотными считались умеющие хотя бы *только* читать, а не читать *и* писать, как обычно. Но и при этой «поблажке» оказалось, что по 49 губерниям европейской части империи грамотных в возрасте от 9 до 49 лет оказалось всего 28,4%, в том числе среди мужчин 40,3%, а среди женщин всего 16,6% [2]. Данные по азиатской части империи были несравненно ниже. Так, среди народов Средней Азии грамотные составляли: среди казахов – 2, уз-

беков – 1,6, туркменов – 0,7, киргизов – 0,6% [3]. Коренные народности Севера вообще не имели письменности. Следует заметить, что среди русского (а также украинского и белорусского) населения этот процент был несколько ниже среднего по европейской части страны, так как в ряде западных губерний грамотность была выше, а среди эстонцев достигала 100% (данные по Царству Польскому и Великому княжеству Финляндскому здесь не учитываются).

С 1897 г. доля грамотных в населении постепенно возрастала. После революции 1905–1907 гг. царское правительство вынуждено было в 1908 г. принять Закон о всеобщем начальном (4 класса) образовании и существенно увеличить бюджет Министерства народного просвещения. Но до 1917 г. этот Закон на уровень грамотности среди населения в рабочем возрасте (20–50 лет) не смог оказать существенного воздействия. Возрастал уровень грамотности среди передовой части рабочего класса, знакомившегося с листовками и газетами революционных партий, купечества, зажиточных крестьян, средних слоев городского населения. Согласно подсчетам А.Корелина, исходившего из общепринятого в Европе критерия грамотности, в 1913 г. удельный вес грамотных (учитывается все население страны) в возрасте 20–30 лет составил 31,9%; 30–40 лет – 27,6%; 40–50 лет – 22,3%; в среднем по изучаемому массиву – 27,3% [4]. Это означает, что среди основной части работающего населения (т.е. без учета лиц старше 50 лет, которые в деревне оставались в основном неграмотными) несколько более четверти населения страны умели читать и писать; примерно две трети этого количества составляли лица, закончившие гимназии, реальные училища, прогимназии, коммерческие училища, 4-летние школы, часть учившихся в ЦППШ, а также овладевших грамотой дома и т.д., а одну треть – лица со средним специальным и высшим образованием. Дело в том, что в последующие за переписью два десятилетия происходил значительный рост численности чиновничества и купечества, приказчиков в лавках, квалифицированных рабочих и мастеров на промышленных предприятиях, и, особенно, вышедшей из «разночинцев» интеллигенции. Одновременно сохранялся высокий по любым европейским стандартам уровень обра-

зованности высших классов, дворянской и буржуазной интеллигенции, высшего чиновничества. Так что *социальная дифференциация* в этой важнейшей сфере жизни общества на деле *не* уменьшалась, а напротив, возрастала.

Чтобы подвести краткий итог всему сказанному выше о грамотности населения России в первый, дореволюционный период, следует привести обобщающую оценку, данную В.И. Лениным: *«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»* [5].

ИНДЕКС ОБРАЗОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (ИОН) И МЕТОДИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ К РОССИЙСКИМ УСЛОВИЯМ

Сверх рассмотренного выше критерия образованности населения как уровня его грамотности представляется необходимым ввести **более общий** критерий, который учитывает разную степень образованности населения – от неграмотности до высшего образования. Учет численности населения с высшим образованием (получивших два высших образования, ученые степени и т.д.) представляет в разные периоды нашей истории большие технические трудности и поэтому нами не учитывается: эти лица проходят вместе с получившими высшее образование. Для развитых стран, в которых достигнута практически 100% грамотность среди коренного населения (без учета значительной части иммигрантов, особенно нелегальных), процент грамотных как критерий образованности населения устарел.

В признанном ООН Индексе Потенциала Человеческого Развития (ИПЧР) в качестве одного из трех составляющих его показателей принят уровень образованности населения в возрасте полных 19–полных 49 лет, иначе говоря, от 20 до 50 лет. Указанный показатель, взятый вместе с двумя другими, а именно: **средней продолжительностью жизни и уровнем суточного дохода на душу населения**, обобщаются в ИРЧП вполне определенным образом, что дает численное представление о степени *развития человеческого потенциала*, а тем самым о *степени цивилизованности населения* той или иной страны, государства, этноса. Публикуемая ежегодно сравнительная таблица о значении ИРЧП (практически по всем входящим в ООН странам) дает возможность: а) сравнительного анализа человеческого потенциала стран и регионов; б) прогресса, выражаемого в росте ИЧПР в каждом данном государстве, регионе, континенте.

При выработке предлагаемого нового показателя образованности населения мы предлагаем сохранить, притом в качестве **основного** первый из обозначенных выше показателей ИРЧП. Но не ограничиться этим показателем, а добавить

к нему еще два, с тем, чтобы объединить их определенным образом в новом показателе – **индексе образованности населения (ИОН)** страны, государства, региона, этноса и т.д. В каждой стране он может применяться с известными модификациями, учитывающими ее специфику. Ниже предлагается способ исчисления ИОН, который обладает всеобщим характером, но далее будет подробнее развит **применительно к трем периодам развития России в XX в.** Точнее говоря, мы рассматриваем XX в. в нашей стране с двумя «добавками», поскольку, с одной стороны, используем, в качестве исходных, данные Всероссийской переписи 1897 г., и, с другой стороны, используем данные переписи населения Российской Федерации 2002 г., а также текущей статистики и политических решений последующих лет. Конечно, при этом нельзя не учитывать, что территория России и состав ее населения на протяжении XX столетия **дважды** коренным образом изменились: при переходе от Российской империи к СССР и переходе от СССР к РФ. Уже по этой причине сравнение данных между периодами оказывается не вполне адекватным. К этому надо добавить, что дважды существенно изменялись виды учебных заведений, программы обучения и уровень получаемых в них учащимися знаний.

Две особенности статьи следует подчеркнуть с самого начала. Во-первых, в ней рассматривается состояние образования *только* в нашей стране, т.е. в России, какие бы государственные границы она ни принимала на протяжении рассматриваемого периода. На втором этапе из рассмотрения уровня образованности населения СССР до 1945 г. выпадают оккупированные интервентами после гражданской войны территории (Бесарабия, Прибалтика, часть украинских и белорусских земель). После 1945 г. СССР рассматривается в его оптимальных границах, сложившихся в результате Победы в Великой Отечественной войне. При изучении третьего периода нами рассматриваются процессы в сфере образования *только* в Российской Федерации; мы не касаемся положения в других «новых независимых государствах», возникших на месте союзных республик при распаде СССР. Это потребовало бы нового исследования.

Во-вторых, как отмечено выше, мы вводим дополнительно два новых показателя образованности населения, так что

ИОН складывается из трех частей. Нами рассматриваются три индекса: (а) показатель среднего уровня образованности населения в активном, рабочем возрасте (20–50 лет); (в) численность студентов на 10000 человек населения; (с) расходы на содержание системы образования и обучения учащихся, поступающие (по возможности или, по крайней мере, на основе приблизительной оценки) из **всех** источников в процентах к ВВП России (в различных границах) в соответствующий период. Рассмотрение в совокупности указанных трех показателей, на наш взгляд, дает более полное, более объемное представление об уровне образованности населения в условиях XX в. и XXI в.

При определении трех параметров, составляющих ИОН, их исчислении и способе суммирования в качестве образца была принята методика, применяемая при исчислении ИПЧР. Поскольку предлагается определять значение ИОН на основе измерения **трех частных параметров, основным методологическим вопросом становится способ их сведения воедино. Мы предлагаем суммировать их по простейшей схеме, весьма условно полагая параметры равнозначными. Иначе говоря, если обозначить эти параметры как a , b , c , то значение ИОН выводится следующим образом: $ИОН=(a+b+c):3$.**

Теперь о способе исчисления каждого из частных параметров. Первый (а) обозначает среднее для всей совокупности граждан в возрасте от 20 до 50 лет число лет, проведенных в различных учебных заведениях, начиная с общеобразовательной школы вплоть до высшего учебного заведения. Условность исчисления этого показателя очевидна: четыре класса школы в Танзании дают, безусловно, меньший объем знаний, чем 4 класса в Германии, поскольку начальная школа в этих странах несравнима по техническому оснащению и квалификации преподавательского состава. В РФ сегодня также имеют место существенные различия между регионами (несмотря на единую, в основном, программу. «В основном» – так как в нее включен так называемый «региональный компонент») по уровню знаний, полученных в общеобразовательной школе в крупных культурных центрах, особенно в частной гимназии или лицее, а также в школах со специализированным уклоном в старших классах, с одной стороны, и в так называемой «малокомплектной» сельской школе, где подчас единствен-

ный преподаватель проводит занятия с одним учеником 3-го класса, двумя 5-го класса и тремя 9-го класса.

Собственно говоря, (а) является *основным* показателем при исчислении ИОН. Но мы не случайно добавили к нему еще два показателя. Второй показатель (б) фиксирует численность студентов на 10000 населения, что позволяет до известной степени «заглянуть вперед», оценить *тенденцию* роста образованности активного (20–50 лет) и тем самым всего населения страны. Необходимым представляется также введение третьего показателя (с), который фиксирует удельный вес (долю) расходов на образование в процентах к ВВП, как затрачиваемых на эти цели государством, так и за счет средств, поступающих из других источников. Последние крайне многообразны. Это расходы Церкви, предприятий и других организаций, спонсоров, и, прежде всего, расходов семей (в том числе самих учащихся) на обучение (а также на приобретение учебных пособий, проживание в общежитии или на съемных квартирах, питание, экскурсии и т.д.). Эти дополнительные средства в учебных заведениях собираются как легально, проходя через бухгалтерию, так и «теневыми» путями, притом самым различным образом. Это, прежде всего, расходы населения на содержание потомства в учебных заведениях. В общеобразовательной муниципальной школе (частные лицеи и гимназии целиком содержатся на средства зажиточной части населения, причем часть получаемых средств оседает в карманах организаторов этих заведений в качестве прибыли). Весьма трудно учитывать многообразные затраты населения на такие цели, как, например, дополнительные занятия со школьниками, оплата ремонта здания и содержание охраны, приобретение учебников и учебных пособий, притом в каждом году новых, подарки учителям, организация выпускных вечеров и т.д. Не менее значительны извлекаемые из бюджета семей средства на подготовку учащихся выпускных классов, когда они становятся абитуриентами высшей школы. Это занятия на подготовительных курсах на «трудных» факультетах, оплата труда так называемых «репетиторов», взятки при приеме вступительных и пересдаче курсовых экзаменов. Добавим к этому, что школьникам и студентам надо кормить и одевать, а при учебе в другом городе платить за пребывание в общежитии или, что дороже, за снимаемые в частном

секторе «углы», на приобретение рекомендуемых по разным дисциплинам пособий и многое иное. Студенты из мало- и среднеобеспеченных семей частично возмещают эти расходы сами, находя оплачиваемую работу во внеучебное время – от разгрузки вагонов на железной дороге или разноски объявлений разных фирм до обучения детей и подростков в обеспеченных семьях.

Взяточничество в сфере образования является составной частью взяточничества как характерной черты неуклонно «коммерциализирующегося» и «коррумпирующегося» российского общества. Но именно в сфере образования (как и здравоохранения) оно имеет если не оправдание, то частичное разумное объяснение. Преподаватели школ, техникумов, вузов, как и другие «бюджетники», в основной массе бедствуют и обречены, судя по трехлетнему бюджету на 2008–2010 гг., предполагающему возрастание зарплаты на 50% (которая будет заведомо съедена инфляцией), и далее бедствовать. О первых весьма робких и непоследовательных шагах по исправлению этого положения в соответствии с 4 «президентскими программами» 2006–2007 гг. будет сказано в последующем. Но пока что зарплата в сфере образования (а это люди в основном с высшим и отчасти со средним специальным образованием) составляет 60–65% средней зарплаты по народному хозяйству. *Бедность*, а в многодетных семьях *нищета* учительского корпуса сказывается крайне негативно, во-первых, на **качестве получаемых учащимися знаний**, т.е. уровне образованности нынешнего молодого поколения, а следовательно и будущих поколений. Во-вторых, на качестве преподавательского состава; учительский корпус быстро стареет, большинство учителей в общеобразовательной школе находится в пенсионном или предпенсионном возрасте, в то время как молодежь с педагогическим высшим (закончившие педузы) и средним специальным образованием (закончившие педагогические колледжи) не идет в школу для работы по полученной специальности, исходя из материальных соображений. В целях сравнения приведем одну лишь цифру. Учительница младших классов со стажем работы свыше 15 лет в Великобритании получает за один часовой урок 45 долл. [6], что по официальному курсу превышает 1000 руб.! Таковы причины, которые вынудили нас ввести в ИОН третий параметр (с),

а именно – процент ВВП, затрачиваемого на образование не только государством, но и поступающим из *всех* других источников, т.е. обществом в целом.

В результате структура ИОН в количественном измерении выглядит как трехчленная формула.

1. Уровень образованности населения в основном «рабочем» возрасте – от 20 до 50 лет, который выражается числом законченных классов в учебных заведениях любого типа, прежде всего в общеобразовательной школе – и это при очевидных различиях в уровне реально полученных знаний.
2. При исчислении (б) используются ежегодные статистические данные по каждой стране о численности студентов высших учебных заведений *в сопоставлении* с численностью населения страны, обычно на 10000 населения.
3. Определение ВВП (внутреннего валового продукта) страны берется опять же из статистики, но при этом надо учитывать, что в дореволюционный период российская статистика указывала национальный доход, а не ВВП, между тем соотношение этих двух важнейших экономических показателей коренным образом зависит от структуры хозяйства, в том числе соотношения стоимости произведенных товаров и оказанных услуг. Кроме того, само собою разумеется, 1% ВВП, затраченный на цели образования, весьма различен в разных странах и в разное время по своему реальному «весу». Наиболее сложным представляется вопрос с определением **затрат** населения на образование молодого поколения. Более подробно он будет рассмотрен в разделах, посвященных каждому из трех периодов.

Для того, чтобы учесть действие всех трех параметров, мы предлагаем измерять ИОН как третью часть их суммы. Трудность здесь состоит прежде всего в том, что получаемые величины *разнокачественны*, так как характеризуют разные явления и измеряются каждый своим способом. Чтобы обойти эту трудность, мы позаимствовали в методике измерения ИПЧР превращение абсолютных цифр частных показателей в *дробные* числа. Числителем выступает существующее на данный момент значение каждого их трех параметров

в данной стране за данный год, в то время как в качестве знаменателя берется наивысшее (или вплотную приближающееся к нему) значение этого показателя в наиболее передовых странах в начале XXI в. Сумма этих трех дробей, поделенная на три, дает значение ИОН, которое, таким образом, всегда меньше единицы. Конечно, методически более верно было бы брать максимальные значения (а), (б), (с) в передовых странах в соответствующие годы, но мы не имеем достоверных статистических сведений такого рода и поэтому предлагаем брать в качестве a_{\max} значение этого показателя для наиболее развитых стран в начале XXI в. Аналогичным образом исчисляется $b_x \cdot b_{\max}$ и $c_x \cdot c_{\max}$.

Теперь насчет применения этой общей схемы к условиям России. Что касается первого параметра, т.е. наличной образованности населения от 20 до 50 лет в данном году, то его предлагается измерять, исходя из определенных «узловых точек», коими являются переписи населения страны. Хотя переписи 1897 г., 1939 г. и даже 1959 г. не дают вполне достоверных сведений, прежде всего, по пятилетним когортам внутри интервала от 20 до 50 лет, а тем самым по всему интересующему нас контингенту. Во-вторых, эти переписи не дают достаточных сведений насчет уровня образованности указанных когорт населения. Поэтому данные указанных переписей нам пришлось либо оценивать приблизительно, либо восполнять из других источников.

С другой стороны, при анализе образованности населения на протяжении второго и третьего периодов российской истории XX в. мы исходили в основном из сложившейся в СССР системы образования, но при этом учитывали происходившие в ней изменения и вносили известные поправки, как по этапам развития системы образования в СССР, так и в постсоветский период. Что же касается дореволюционного периода, то применение предложенной схемы затрудняется, во-первых, крайним многообразием тогдашней системы учебных заведений, во-вторых, усугубляется недостатком достоверных статистических данных. Для этого периода возможна лишь примерная оценка всех трех параметров – об этом будет сказано далее. В советский период при известных изменениях на протяжении 70 лет, да и для нынешнего периода развития системы образования в РФ, нами предлага-

ется оценивать образованность каждого лица, а тем самым каждой пятилетней когорты, начиная с 20- до 50-летнего возраста, в баллах следующим образом. Образование в объеме 4 классов, т.е. законченное четырехлетнее начальное, расценивается в 4 балла. Что касается учащихся, выбывших из неполной средней школы, т.е. закончившие 5 или 6 классов, то они рассматриваются как получившее начальное образование и попадают в графу с начальным образованием. Это, безусловно, несколько снижает общий уровень образованности населения, причем в 1959 г. этот фактор играл существенную роль, в то время как в 1989 г., когда после принятия Закона о всеобщем неполном среднем образовании прошло 30 лет, – весьма мало значительную. Вот почему поневоле вносится некоторое занижение показателя (а) в данные табл. 2, так как значительная часть населения старше 20 лет, особенно близкая к 50-летнему возрасту, начинала учебу еще до революции или до принятия Постановления Совмина СССР 1930 г. о всеобщем начальном образовании. Однако **все статистические справочники, составленные ЦСУ СССР на основе переписей населения 1959 г., 1970 г., 1979 г. и 1989 г., при указании уровня образования начинают перечень с получивших неполное среднее (т.е. 7-летнее, потом 8-летнее) образование. Данный недостаток статистики также, несомненно, приводит к известному занижению общего уровня образованности населения.** Конечно, надо учитывать, что Постановление 1958 г., превратившее семилетку в восьмилетку, фактически оставило без изменения программу обучения по основным предметам (в частности, в связи с переходом от 6- к 5-дневной неделе и добавлением года для получения массовой рабочей профессии.); остался прежним и уровень требований при получении аттестата о неполном среднем образовании. Но надо заметить, что это вынужденное «упрощение» могло существенно сказаться в 1959 г, а во время последующих переписей играло все меньшую роль.

Что касается преобразований, проведенных по Закону РФ 1992 г., превратившего неполное среднее в «основное» и увеличившее срок его получения до 9 лет, то оно, во-первых, начисто искоренило школьную программу, лишило ее стройности и последовательности. Так, вместо последовательного изложения истории страны в пределах 9-летки давались

отрывочные сведения об основных событиях. Кроме того, составленные наспех ввиду изменения политической ситуации «мастерами на все руки» пособия по истории России были проникнуты антисоветизмом: недостатки этого периода нашей истории выпячивались, в то время как гигантский шаг вперед в экономическом и социальном развитии СССР замалчивался или извращался. Аналогичная картина наблюдалась в учебниках по литературе, даже в пособиях для начальной школы, где стихи Пушкина, Лермонтова, других классиков было заменены «рукоделиями» Б.Заходера и других посредственностей. Цельного представления о ходе развития русской классической литературы не давалось, хотя учителя 10-х–11-х классов, в меру отведенных на этот предмет часов, пытались восстановить генеральную линию развития русской словесности. В изображении всемирной истории, в частности, Второй мировой войны, преобладало воспевание действий союзников и принижалась решающая роль Советской Армии и нашего народа в достижении Победы над фашистской Германией. Примером может служить «учебник» по всеобщей истории Кредера, который вызвал массовое возмущение родителей и учащихся старших классов.

По математике и естественным наукам был также нарушен последовательный подход к их изучению. Все это привело вместе с нищенской оплатой учителей и старением педагогического состава к понижению среднего уровня знаний учащихся и в этих областях. Наконец, ассигнования государства на школу в реальном исчислении последовательно снижались. Деньги выдавались только на зарплату персонала, при том с запозданием, особенно перед летними отпусками. По стране прокатился вал учительских, в том числе голодных забастовок, основным требованием которых была своевременная выплата заработанных денег и отпускных. Школьные здания хирели и разрушались, так как денег на ремонт государство не выдавало. В результате уровень получаемых учащимися знаний в 90-е гг. снижался, что находило наглядное выражение в скромных успехах российских школьников на международных конкурсах по математике, физике и другим наукам, в то время как ранее наши всегда занимали места в первой десятке – а посылали ведь наиболее подготовленных! Уровень требуемых для получения аттестата о полном сред-

нем образовании знаний снижался, а по ряду дисциплин, например, русской литературе и отечественной истории был извращен до неузнаваемости из политических соображений, которым следовали программы, учебники, а стало быть и знания учащихся. При изучении уровня образования населения старше 20 лет, как это предполагается при измерении ИОН, последствия реформы 1992 г. мы только *начинаем пожинать*, поскольку рассматривается население старше 20 лет.

Во-вторых, с 1992 г., когда начались «ельцинские» реформы в образовании, их последствия приобретали все большее значение, так как именно в 90-е гг. вступала в жизнь часть подростков, не закончивших начальную школу или выбывших из «основной» школы до ее окончания. Число лиц, не получивших неполного среднего (а подчас и начального) образования, стремительно возрастало, и это скажется на итогах следующей переписи населения в когортах старше 20 лет. Не случайно статведомство (кроме переписи 2002 г.) начинало подсчеты по уровню образования с тех, кто получил неполное среднее образование. Но в известной степени провал образовательной (и всей социально-экономической) системы 90-х гг. уже дает о себе знать, например, на уровне образованности призывников в армию (18 лет). Более подробный разбор последствий этого провала дан нами при сравнении данных переписей 1989 г. по РСФСР и 2002 г. по РФ (см. табл. 3).

Десятилетка, ставшая согласно реформе 1958 г. 11-летней, поскольку один год отводился на обучение массовой рабочей профессии, существенного изменения программы по основным наукам не внесла, равно как и по части требований для получения аттестата зрелости. Поэтому мы засчитываем 11-летку за те же 10 баллов. Впоследствии, когда годичная производственная практика была отменена, в программу 11-летнего образования были внесены известные позитивные изменения, прежде всего в результате бифуркации программы двух старших (10-го и 11-го) классов, внесения специализации по одному из трех основных профилей (физико-математико-техническому; биолого-медицински-химическому; языково-гуманитарному). Но и эти полезные новшества, повышавшие возможности поступления на соответствующие факультеты высших учебных заведений, фактически осуществлялись только в сравнительно незначительном числе

школ: в столицах, крупных вузовских центрах и, особенно, в платных (негосударственных) гимназиях и лицеях, где за счет высокой платы за обучение учащимся преподавали уроки танцев, искусство верховой езды и т.д. В эти частные учебные заведения удалось переманить многих опытных преподавателей и платить им в два-три и более раз больше, чем в муниципальных школах. Преподаватели последних, в соответствии с ЕТС для всех муниципальных служащих, получали в большинстве своем нищенскую зарплату – ниже официального (заниженного) прожиточного минимума для семьи. Следует заметить, что специализированные школы, в том числе частные, имели, наряду с плюсами, явный недостаток: они ради специализации увеличили число часов на «свои» науки, понизив требования по гуманитарным наукам, прежде всего русскому языку и литературе, истории. Поэтому 11-летняя школа, по сути, осталась привычной десятилетней, и мы оставили для закончивших ее в разные годы балльную оценку прежней. Что же касается средних специальных учебных заведений, то их следует засчитывать более высоким баллом. Если в них поступают подростки после окончания полной средней школы на 1–2 года, то они получают дополнительно значительный объем знаний, если же поступают после неполной средней школы на 4 года, то и в этом случае объем знаний по специальным наукам, а в известной мере и по общим дисциплинам, они получают, как правило, выше, чем после обычной (неспециализированной) средней школы. В технических ССУЗах, теперь в большинстве переименованных в колледжи, ориентированных на занятие должностей техника в машиностроении или металлургии, преподаются основы высшей математики, теоретической механики и многие новые разделы физики (или химии); в сельхозтехникумах и медицинских училищах – химии и биологии; в педтехникумах – общественных наук и психологии и т.д. Переименование большинства этих учебных заведений, как правило, не привело к повышению уровня получаемых в них знаний. Не входя в тонкости вопроса по отдельным видам средних специальных учебных заведений, мы склонны оценивать их диплом за 12 баллов. Высшее образование (обычно это пять лет после средней школы, а кое-где и больше – в медвузах срок обучения 6–6,5 лет) засчитывается за 15 баллов. Известную

трудность представляет оценка в баллах неполного высшего образования, поскольку к 20 годам или даже в несколько более зрелом возрасте оно для большинства студентов не заканчивается. Многие юноши и девушки, будучи студентами вузов, в 20 лет находятся как бы на «середине пути» к получению высшего образования. Для когорты 20–25 лет это имеет особое значение и известное значение для когорты 26–30-летних. Поэтому нам представилось рациональным засчитывать неполное высшее образование за 12 баллов.

Мы уже отмечали, что для введения удобного, для сравнения периодов и этапов развития образования в нашей стране (и для сравнения с другими странами) по каждой пятилетней когорте индексы (а), (б) и (с), а тем самым ИОН в целом, представилось целесообразным (как при исчислении ИПЧР) исчислять в дробных числах. Числителем для индекса (а) служит данное значение измеряемой величины – среднее число законченных классов, а знаменателем – максимум, достигнутый по данному показателю в наиболее развитых странах мира или чуть выше, учитывая тенденцию повышения. Что касается, конкретно, индекса (а), то во многих странах Запада поставлена цель (во многих она законодательно закреплена) о всеобщем 12-летнем образовании в общеобразовательной школе. Поэтому можно было бы в качестве знаменателя по индексу (а) принять цифру 12. Но следует заметить, что на деле **эта цель не только в РФ**, где была принята Декларация 2000 г., провозглашенная на Съезде учителей в Кремле, **осталась без последствий**. В большинстве развитых стран Запада эта цель, закрепленная в законе, также не достигнута. Недавнее заявление Министра А. Фурсенко о предстоящем введении обязательного полного среднего образования в объеме 11-летки пока не оформлено Постановлением Правительства, да и страна к этому пока не готова вследствие бедности половины и нищеты четверти населения. И не только поэтому. В столь развитой стране, как Германия, например, после окончания 9–10 классов общеобразовательной школы, меньшинство подростков из обеспеченных семей, ориентированных на поступление в университеты, остается (или переходит) в гимназии, в то время как большинство поступает в профшколы, гарантирующие получение профессии и достаточной для прожития зарплаты. Так обстоит дело с *коренным* населением. Но в эпо-

ху глобализации надо учитывать наличие миллионов легальных и нелегальных мигрантов и их потомства и проблем с получением ими образования в развитых странах.

При наличии в РФ примерно 10 млн. мигрантов – в подавляющем большинстве неквалифицированных рабочих – наша страна уже сейчас ощущает недостаток квалифицированных кадров рабочих в машиностроении и ряде других отраслей хозяйства. Учреждения профтехобразования (ФЗУ, ПТУ, ГПТУ), в советское время поддерживаемые предприятиями, местными властями и государством, целенаправленно готовили рабочую смену. Ныне эти учебные заведения коммерциализировались и готовят в краткие сроки парикмахеров, кулинаров, портных, продавцов и других работников сферы обслуживания. Разрушение налаженной системы начального профтехобразования является одним из наиболее плачевных итогов «ельцинских» реформ, притом долгодействующих. Молодую поросль рабочего класса поныне не готовят – и это уже начинает сказываться в ряде областей, например, Калужской, и ряде отраслей, например, в судостроении.

В США проживают десятки миллионов нелегальных иммигрантов, в основном из стран Центральной и Южной Америки, дети которых либо не учатся вообще, либо посещают школу 3–5 лет, чтобы затем переключиться на неквалифицированный труд. Возведение электронного забора между США и Мексикой вряд ли даст эффект по части сокращения (но не прекращения) нелегальной иммиграции в США. Легализованные иммигранты из стран Латинской Америки (их тоже миллионы), получившие гражданство США, по закону обязаны посылать детей в 12-летнюю школу. Но дети этих иммигрантов («латинос») чаще всего 12-летнюю школу не заканчивают. В принципе, таково же положение с иммигрантами в Западной Европе – во Франции их 5 млн (в основном, это арабы и негры, отчасти – вьетнамцы из бывших французских колоний); в Германии их еще больше (турки, албанцы, югославы, курды, теперь повалили поляки – после приема Польши в ЕС). Как уже отмечалось выше, в России предполагалось со временем перейти на всеобщее 12-летнее обучение, но конкретных шагов для осуществления этой цели по сию пору не предпринималось из-за недостатка средств и

в связи со сложной демографической ситуацией. Тем более что даже неполную среднюю школу заканчивают ныне в РФ далеко не все подростки 15–16-летнего возраста, как в деревне, так и среди низов общества в городах. В Москве и области, как по всей стране, дети иммигрантов, особенно нелегальных – около 10 млн. – не получают неполного среднего, а подчас и начального образования. Для их «подтягивания» только в Москве (по заявлению начальника Департамента образования столицы Л.Кезиной) открыто **100 школ**, принимающих детей мигрантов, не знающих русского языка; первые 1–2 года в основном уходят на обучение государственному языку.

Ныне, идея перехода на 12-летнюю школу окончательно отставлена. В заявлении Министра образования и науки А.Фурсенко в 2007 г. без излишнего шума (заметка в прессе) было заявлено, что в Государственной Думе уже рассматривается Закон о всеобщем 11-летнем среднем образовании. По сути дела, мы пришли снова к положению Конституции СССР 1977 г. Сколько же лет ошибок, шатаний и шагов назад (напомним читателю, что Закон 1992 г. счел обязательным «основное», т.е. 9-летнее образование и первоначально предполагал экзамены для поступления в 10-й класс) в деле разрушения советской общеобразовательной школы – одной из лучших в мире – понадобилось для того, чтобы вернуться к цели, поставленной в Конституции СССР 30 лет назад!

Диплом о высшем образовании студент-очник получает обычно в 22–25 лет, заочники и вечерники, как правило, – в более позднем возрасте. Это сказывается на уровне образованности населения в когорте 20–25 лет и отчасти в последующих когортах. Такое положение типично не только для России, но, например, и для Японии, где (по сведениям В.Овчинникова) 60% молодых людей после обязательной 12-летней школы поступают в высшую. Это дает нам основание определить знаменатель для индекса (a) – a_{\max} , как 20. Заметим, что когда статистика дает достаточные сведения, по каждой 5-летней когорте от 20 до 50 лет, мы делаем отдельно подсчет баллов по указанной схеме, с тем, чтобы затем вывести среднюю величину (a) для данной когорты, а затем – всего массива 20–50 лет. Полученная средняя величина (a_x) делится на a_{\max} , т.е. на 20, и эта цифра уже входит как составная часть в ИОН, мы ее обозначаем A_x (т.е. с указанием года получения).

Что же касается двух других показателей, то исходные цифры на данный год более или менее точно фиксируются статистикой. Так, она достоверно указывает численность студентов на начало каждого учебного года, что легко пересчитывается на 1000 населения. Сложнее обстоит дело с показателем (с). Статистика должна была бы давать, но дает не всегда и не полностью, процент затрат на образование из *всех* источников как долю ВВП (валового внутреннего продукта). А далее происходит та же операция с переводом в дробные числа по описанным выше правилам, чтобы получить B_x и C_x . За современный «мировой» максимум мы полагаем возможным, как отмечено выше, принять для a_{\max} 20 баллов, поскольку это уже в основном достигнуто в Японии. При определении b_{\max} можно принять численность 500 студентов на 10 тыс. человек населения, что почти достигнуто во Франции, да и у нас в последнее время, что, кстати сказать, не соответствует запросам страны по специалистам с высшим образованием. О причинах этой аномалии в РФ начала XXI в. будет сказано далее. Аналогичным образом, если данный статистикой (на определенный год) процент затрат на цели образования в процентах к ВВП в данной стране в данном году выступает как числитель, то за максимум можно взять реально достигнутый наиболее высокий процент этих затрат в наиболее развитых странах в настоящее время или цифру, которая, по всей видимости, в условиях роста базирующейся на достижениях науки индустрии скоро будет достигнута. В первые годы XXI в. процент затрат на образование (из различных источников). C_{\max} выше всего был по официальным источникам в Южной Корее (8,2%) [7], поскольку руководством страны поставлена цель поскорее догнать Японию по уровню образованности населения, производительности труда, качеству продукции. В Европе наиболее «продвинутыми» в данном отношении являются скандинавские страны – от 5 до 7% ВВП [8]. Однако из последних газетных сообщений следует, что в Дании эта доля уже возросла до 8,5%. Учитывая возрастающие темпы научно-технической революции и требований к персоналу в качестве максимума b_{\max} мы берем 10% ВВП, затрачиваемых на цели образования.

ГЛАВА 2

ПЕРИОД 1897–1914 гг.: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Мы уже отмечали, что наибольшие трудности возникают при оценке параметров (а), (б) и (с) для первого периода российской истории XX в. При невозможности точного определения коэффициента (а) приходится давать более или менее обоснованные приблизительные оценки. Мы принимаем за исходный пункт, что в 1913 г. основная масса населения страны в возрасте 20–50 лет даже в европейской ее части, продолжала оставаться неграмотной. Дети крестьян либо не получали никакого образования, либо известная часть получала самые первоначальные знания в церковно-приходской школе (это 2–3 года). Если более 70% населения в рассматриваемом нами возрасте (20–50 лет) дают при подсчете индекса (a_1) ноль, то лица с гимназическим и высшим образованием, а это – высшие классы общества, а также учителя гимназии, дипломированные врачи, инженеры, чиновники достаточно высокого ранга, офицерский состав, закончивший кадетские корпуса и военные академии, высшее духовенство, художественная интеллигенция, преподаватели вузов, купечество и т.д., в совокупности «дают» достаточное количество высоких баллов, чтобы «перекрыть» 70% неграмотных и полуграмотных. Вот почему, при грубой приблизительной оценке, мы полагаем, что *в среднем* по населению предреволюционной России в возрасте от 20 до 50 лет можно принять уровень образованности в три балла. Согласно принятой нами методике (а) $13=3$ и, следовательно, $a_{13}: a_{\max}=0,15$.

Непросто обстоит дело и при исчислении показателя (б). В 1914 г. в России официально насчитывалось 127 тыс. студентов [9]. Но в это число не входили слушательницы Высших женских курсов (они учились по университетской программе), студенты старших курсов высших коммерческих училищ, наконец, молодежь, проходившая обучение за границей, а таковых было немало (например, среди еврейского населения, поступление которого в университет было ограничено «процентной нормой») и т.д., – а они тоже были российскими студентами и в массе возвращались на работу в Россию.

Поэтому численность студентов перед войной, на наш взгляд, следует несколько увеличить, примерно до 160 тыс. человек. При переводе на 10000 населения (при 160-миллионном населении страны) это составляет 10 студентов на 10000 населения. Согласно принятой нами методике подсчета (b) $13:b_{\max}=10:500=0,02$.

Пожалуй, сложнее всего обстоит дело с определением удельного веса затрат на цели образования в процентах к ВВП страны. В упоминавшейся статье В.И.Ленина приведена цифра бюджета Министерства народного просвещения за 1913 г., это примерно соответствует затратам государства на образование – 143 млн золотых рублей. Но в этой цифре не учтены затраты негосударственных ведомств, прежде всего Православной церкви, коммерческих училищ, частных гимназий и, что главное, затраты населения. Православная церковь содержала не только широкую сеть церковно-приходских школ, но и духовных учебных заведений (семинарии и академию) для подготовки священников. Существовало около 600 коммерческих училищ, затраты государства на их содержание составляли всего 2% (А.Примаков). Весьма значительны были затраты населения, притом не только имущих классов на оплату обучения потомства в частных гимназиях, коммерческих училищах, а также на содержание временных (на лето) или постоянных домашних учителей, гувернеров и т.д. Вынуждены были платить за обучение в школе даже низшие слои общества. В рассказе А.П. Чехова «На подводе» упоминается, с каким трудом собирала учительница земской школы в деревне по пять рублей с крестьянского двора на отопление и ремонт школьного здания.

Другая трудность состоит в том, что долгое время измерялся удельный вес затрат на образование не как доля ВВП, как это принято в настоящее время, а как доля национального дохода. Различные методики подсчета ВВП были разработаны позднее, они возобладали в 30-е гг. XX в. В справочной литературе указано, что национальный доход России в 1913 г. составлял 16–17 млрд. руб., данные по ВВП отсутствовали. При подсчете ВВП как суммы производства по отраслям неизбежен двойной, а то и тройной подсчет, например, отдельно учитывается стоимость добычи каменного угля и железной руды, отдельно произведенного их них металла, а затем металлоизделий, в том числе произведенных машиностроитель-

ной промышленностью сложных машин. Кроме того ВВП, по современным понятиям, это стоимость товаров и услуг (не всех, ибо совершаются многие услуги в процессе перераспределения полученного отдельными лицами дохода, а также кроме услуг церкви и т.д.). **ВВП – это сумма товаров и услуг**, причем доля услуг в XX в. непрерывно растет. Например, в 1989 г. в РСФСР валовой внутренний продукт составлял 938,1 млн. руб., в то время как произведенный национальный доход оценивался в 400,8 млрд. руб., т.е. 43,6% ВВП [10]. Надо полагать, что соотношение этих величин в 1913 г. было иным вследствие меньшей доли услуг в ВВП и несравненно меньшему развитию обрабатывающей промышленности, чем в РСФСР в 1989 г. Здесь можно предложить читателю только приблизительную оценку. Мы остановились на соотношении 10:7 при сопоставлении ВВП и национального дохода в 1913 г. Стало быть, ВВП России перед Первой мировой войной можно весьма приблизительно оценить примерно в 23 млрд. руб. Если предположить, что совокупные расходы всех слоев общества и государства на образование составляли 200 млрд. руб., то это означает, что затраты на образование С13 составляли 0,87% ВВП. Применяя изложенный выше способ исчисления ИОН, т.е. оценивая соотношение затрат на образование в ВВП в России 1913 г. к современному максимальному, получим следующее: $C13:C_{\max}=0,87:10=0,09$. Следуя предложенной выше методике определения ИОН, получаем $\underline{ИОН13}=(A13+B13+C13)$, поделенное на три, $= (0,15 + 0,01 + 0,09):3 = \underline{0,08}$.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ДОВОЕННЫЙ ЭТАП

Одним из самых первых шагов установившейся после Октябрьской революции Советской власти было принятие системы мер, направленных, с одной стороны, на всеобщее обязательное обучение молодого поколения, с другой, – на ликвидацию неграмотности среди населения старших возрастов. Школы и пункты ликбеза открывались повсеместно, в том числе в непригодных для этой цели помещениях, например, в оставленных бежавшими за границу помещичьих усадьбах и особняках городских богачей, а подчас в подвалах сравнительно больших домов в городах и хозяйственных пристройках в деревне. Пункты по обучению молодежи и взрослых грамоте были развернуты в городских кварталах, при фабриках и заводах, а в деревнях нередко в помещениях сельсоветов, притом даже в самых отсталых и отдаленных от культурных центров районах. В повести В.Быкова «Знак беды» батрачка Зинаида, получившая клочок земли, бегала за 3 км по вечерам в хату сельсовета, чтобы научиться читать на родном белорусском языке. Уже к 1920 г., в условиях еще не закончившейся гражданской войны и борьбы с интервентами, повсеместной разрухи и голода, уровень грамотности населения в возрасте 9–49 лет (включительно, т.е. фактически от 10 до 50 лет) поднялся на охваченной частичной переписью 1920 г. части страны до 44% [11]. Гражданская война к этому времени еще не была закончена: Крым был освобожден от белогвардейцев осенью 1920 г., японские интервенты выбиты с Дальнего Востока только в 1922 г., затяжная борьба с финансируемым англичанами басмачеством в Средней Азии продолжалась на протяжении десятилетия и т.д. Поэтому по всей стране процент грамотных был несколько ниже указанного ранее. Переход к НЭПу, восстановление к 1926 г. народного хозяйства и переход к развернутому строительству социализма – индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства развернулся в 30-е гг.: одновременно была продолжена культурная революция. В 30-е гг. свершился переход к обязательному 4-летнему образованию мо-

лодого поколения, и удалось в основном разрешить проблему безграмотности среди людей среднего, а отчасти и пожилого возраста в деревне. К концу 30-х гг. – в 1939 г. этот показатель грамотности достиг 87,4% (см. табл. 1).

Таблица 1

Рост грамотности населения России–СССР [12]
В %

1897	28,4
1920	44,0
1926	56,6
1939	87,4
1959	98,5
1970	99,7

Источник: Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1971.

Особо следует отметить борьбу Советской власти в 20-е гг. с беспризорностью (и тем самым с неграмотностью и малограмотностью) оторвавшихся от семьи или вообще ее потерявших детей и подростков. Первая мировая и гражданская войны оставили без родителей несколько миллионов таких. Возглавляемая Ф.Дзержинским кампания по борьбе с беспризорностью означала не только создание развернутой сети детских домов, но также трудовых колоний для подростков, преимущественно в деревне, где они приучались к систематическому физическому труду по обеспечению себя продуктами и одновременно обучались по программе начальной, а затем и неполной средней школы. В «Педагогической поэме» А.Макаренко, кинофильме «Путевка в жизнь» и других художественных произведениях той эпохи этот колоссальный шаг по спасению молодого поколения нашел яркое выражение. Весьма печально, что приобретенный в те трудные времена опыт обучения и воспитания в соединении с производительным трудом (о котором писал Ф.Энгельс) в настоящее время фактически забыт. В детских домах на содержании

общества в РФ живут, учатся, воспитываются 800 тыс. детей и подростков, выкинутых из жизни «реформами» 90-х гг. и их последствиями, часть их овладевает профессиями мало- и среднеквалифицированного труда, но численность детдомовцев не уменьшается, хотя некоторых из них берут на воспитание «чужие» семьи, так как одна только «площадь трех вокзалов» в Москве непрерывно поставляет в детдома пополнение, плюс к этому из родильных домов после достижения 2–3-летнего возраста поступают порции так называемых «отказников» – детей, оставленных в роддоме на попечение персонала потерявшими совесть или находящимся в сложном или безвыходном положении молодыми матерями. Наконец, из 800 тыс. тюремно-лагерного населения большинство составляют молодые люди в возрасте 16–23 года, которые, как правило, школу (даже «основную») не заканчивали и оказались на улице, воспитавшей их в духе жестокости, пригодности любых средств для добывания средств для жизни, приучившихся к потреблению никотина и алкоголя, рано вступающих в половую жизнь, в полном презрении к человеческой жизни. Важнейшая роль в их «воспитании» принадлежит нынешнему телевидению (и бульварной прессе), которое по вечерам на всю ночь полностью переключается на показ второсортных голливудских фильмов, пропагандирующих «красивую» жизнь, употребление оружия для расправы с противником. Большинство этих молодых «лагерников» попадает под суд и за решетку за кражу, разбой, грабеж, изнасилование, нанесение гражданам, не желающим добровольно расставаться со своей личной или общественной собственностью, телесных повреждений, вплоть до убийств. В лагерях, где нелегальная власть принадлежит криминалитету, они проходят «школу», поэтому столь велик процент возвращающихся после отбытия «срока» или амнистии обратно. Криминалитет получает подготовленное пополнение.

Навязанная Советскому Союзу опустошительная война 1941–1945 гг., в которой рехался вопрос о судьбе нашего Отечества, понесенные колоссальные людские (27 млн человек) и материальные потери имели долговременные последствия. Восстановление народного хозяйства и системы образования в освобожденных районах потребовали напряжения сил всей страны. Это обстоятельство внесло существенные коррективы в прогрессивный ход развития системы образования, несколь-

ко замедлили этот процесс. Потери в боях цвета мужского населения страны, блокада Ленинграда и т.д. вывели из строя миллионы наиболее образованных людей молодого и среднего возраста. С другой стороны, развитие народного хозяйства и системы образования в освобожденных районах потребовали напряжения сил всей страны, что внесло существенные коррективы в прогрессивный ход развития образования, они не могли не замедлить этот процесс. Участие в боях унесло миллионы жизней, вывело из строя здоровых миллионы инвалидов молодого и среднего возраста. С другой стороны, в тыловых районах на востоке страны, куда была эвакуирована с запада страны промышленность, продолжалась в нелегких условиях (занятия в три смены и т.д.) работа школ, техникумов и вузов, особенно технических специальностей, а также подготовка квалифицированных рабочих кадров из подростков. С начала 50-х гг. возобновилось бурное развитие всех видов образовательных учреждений и тем самым образованности населения.

Известное запоздание с точными количественными показателями прогресса образования в СССР в этот период имеет свое объяснение. Только в 1937 г. впервые после войны была проведена всесоюзная перепись населения, но ее итоги по указанию свыше не были опубликованы, поскольку результаты переписи «не устраивали» руководство страны по двум причинам, поскольку населения оказалось меньше, чем на это рассчитывали руководящие органы. Во-первых, продолжались массовые репрессии, высокий уровень смертности среди лагерников и ссыльных понижал демографические показатели. Во-вторых, не были еще мало-мальски сглажены колоссальные потери населения вследствие неурожая в степных районах страны в начале 30-х гг. и выселения в ходе коллективизации семей миллионов кулаков и зажиточных крестьян с реквизицией имевшихся у них запасов продуктов в малообжитые местности. Подсчеты историков оценивают потери населения только от голода в 1931–1933 гг. в 5,5 млн человек. Кстати, в этой связи нельзя умолчать о пропаганде нынешних, стоящих у власти украинских националистов насчет имевшего, якобы, место «геноцида украинского населения». Эти злостные измышления не имеют под собой никаких оснований. Смерть от голода косила в равной мере русское и украинское население южных и юго-восточных районов. На Украине по-

гибло 2 млн. человек, среди них украинцев было примерно две трети. Следовательно, потери именно украинского населения от голода составили примерно 1,5 млн. человек, менее трети всех потерь. Это, конечно, страшные цифры. Но пропаганда Кравчука и других украинских националистов о намеренном «геноциде», «холокосте» украинского населения по приказу из Москвы, являются грубой фальшивкой, имеющей своей целью провести параллель с «холокостом» еврейского населения в Германии и на захваченных ею временно землях, в том числе и на Украине. Для разжигания антирусских настроений на Украине, где половина населения общается между собой на русском языке, ныне используются самые гнусные средства.

За два года высокой рождаемости в конце 30-х гг. картина несколько выправилась. К тому же, чтобы избежать публикации данных о численности заключенных в лагерях, в 1935 г. было приказано переписывать осужденных по месту их проживания до ареста. Перепись пришлось через два года повторить. Перепись 1959 г. впервые предоставила общественности статистические сведения, позволившие дать (в самых общих чертах) оценку степени развития образованности населения, в том числе в активном возрасте. Но и эта перепись (вернее, публикация ее результатов) не предоставила достаточно достоверных сведений о степени образованности по возрастным категориям в разных частях страны. Поэтому к оценке опубликованных данных этой переписи следует подходить весьма осторожно, возмещая недостаток официальных сведений предположениями. Ниже мы попытаемся это сделать. Тем не менее, только начиная с 1959 г., наука располагает количественными сведениями о последовательном росте образованности активного населения (20–50 лет) в СССР во второй половине XX в.

Одновременно в 20–30-х гг. шло бурное развитие всей системы образования. Численность вузов возросла со 105 в 1914 г. до 817 в 1940 г., а студентов в них – со 127 до 812 тыс. Еще быстрее шла подготовка специалистов среднего звена. Число ССУЗов возросло с 450 в 1914 г. до 3773 в 1940 г., а обучающихся в них – до 975 тыс. человек. Общая численность подготовленных за довоенный период специалистов достигла 4,1 млн. Выросла новая советская интеллигенция, в которой растворились остатки старой интеллигенции.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЭТАП

Послевоенный этап развития СССР как мировой державы в восстановленных исторически справедливых границах был периодом развернутого строительства социализма. Попытки объявить в 1961 г. Хрущевым на съезде КПСС основной задачей предстоящего 20-летнего периода *построение основ коммунизма* к 1980 г. носило явно прожектерский, абсолютно не продуманный характер. Цифры «бралась с неба». Например, предполагалось за 60-е гг. увеличить материальное производство в 2,5 раза, а к 1989 г. – в 6,25 раза. Нетрудно представить себе как появилась последняя цифра: $2,5 \times 2,5 = 6,25$. Ясно, что она была экономически совершенно необоснованной. Независимым экспертам как у нас в стране, так и за рубежом был совершенно очевиден **авантюризм Хрущева и его ближайшего окружения**. Преподавателям марксизма-ленинизма, увы, приходилось пропагандировать эти радужные «перспективы», хотя мало кто в них верил. Даже руководство партии и правительства вскоре одумалось и вынуждено было снять этот лозунг. При Брежневе в 1970 г. он был заменен на лозунг совершенствования зрелого (развитого) социализма, который, якобы, уже был построен в СССР в начале 60-х гг. Но и этот словесный кунштюк, в свою очередь, никого из научно-образованных людей, в том числе искренних марксистов, не смог убедить. На деле СССР находился на этапе **раннего, построенного в основных чертах социализма, с массой недоделок, обусловленных полученным от старой России низким уровнем материального производства, тяжелейшими последствиями самой жестокой и кровавой войны за всю историю России, политикой массовых репрессий сталинского периода**. Уровень жизни большинства населения оставался крайне низким. Колхозно-совхозный строй, несмотря на солидную поддержку государства, не мог обеспечить население качественными продуктами сельхозпроизводства. В производстве мяса и молока архаичный ручной труд миллионов жителей деревни и части горожан на подворьях и на выделенных «шести сотках» для ведения ЛПХ (личного подсобного сельского

хозяйства) не мог полностью возместить низкий КПД колхозов и совхозов, особенно в обеспечении населения городов (оно достигло 70% населения) продуктами животноводства. Стихийное выступление рабочих в Новочеркасске (1962), вызванное экономически оправданным повышением цен на мясо-молочные продукты, было подавлено военной силой. Но и это не заставило Хрущева и его соратников признать необходимость введения элементов рыночного хозяйства и пересмотреть ценовую политику, приблизив цены на мясо и молоко к их реальной стоимости, т.е. пойти на повышение цен в госторговле, а значит и зарплаты. Существовали (до последних лет советского строя) параллельно два рынка: госторговля и «свободный» рынок, который именовался «колхозным», цены на котором в среднем по стране были вдвое выше государственных, притом не только на продукты животноводства, но и на картофель, овощи, зелень, фрукты и т.д. Усилия поддержать госцены за счет бесплатной работы студентов на колхозных полях в сентябре, равно как систематическое привлечение горожан к переборке гниющих в непригодных хранилищах овощей вызывали возмущение тех, кого отрывали от основной работы (и учебы в вузах) и служили излюбленной темой сатириков (фильм Э.Рязанова «Гараж» выпукло обрисовал эту ненормальную ситуацию). Если в Москве, Ленинграде и «закрытых» городах (где было сосредоточено оборонное производство) искусственно поддерживались низкие государственные цены, то в целом по стране «двойная» цена на продукты больно била по карману, а тем самым жизненному уровню низко- и среднеоплачиваемых рабочих, служащих, пенсионеров. Причем, разница между уровнем цен на указанные важнейшие продукты питания имела тенденцию к возрастанию.

Кстати сказать, за попытку выяснить отношение населения к этому разрыву цен и способу его смягчения на ближайшей к Москве и Ленинграду периферии, в частности, за попытку организовать по выходным дням специальные «колбасные» электрички в Москву в радиусе 200–300 км, автор этих строк был в 1976 г. смещен с поста директора Института социологических исследований АН СССР. Но разве понятию «развитого социализма» соответствовали «колбасные электрички», равно как сохранение тысяч барачков, преимущест-

венно на востоке страны, которые были спешно сооружены в 1941–1942 гг. для размещения эвакуированных из западных областей вместе с предприятиями миллионов рабочих и служащих? Кстати сказать, бараки остались надолго, поскольку часть предприятий основала на востоке свои филиалы, как, например, Кировский завод в Ленинграде, и они развивались, комплектуясь за счет местного, в основном сельского населения, получавшего жилье преимущественно в тех же бараках. Проблема сноса бараков стояла перед местными властями в течение всех послевоенных лет, ибо на строительство достаточного количества новых домов у государства в условиях гонки вооружений не доставало средств. Не решена она во многих районах и по сей день.

Легкая промышленность снабжала страну одеждой и обувью в достатке, но, как правило, устарелых фасонов и невысокого качества. Импорт качественных изделий был ограничен, и они были очень дороги. Так появились сотни, а затем тысячи «фарцовщиков», т.е. спекулянтов нелегально ввезенными заграничными товарами более высокого качества. По мере развития транснационализма «фарцовщиков» заменили тысячи липовых интуристов, современных «мешочников», привозивших на специальных авиарейсах на вещевые рынки миллионы тонн дешевого низкокачественного ширпотреба из Турции, Китая, ряда других стран Востока. Большинство населения питалось «ножками Буша», носило китайские тапочки, носки и плащи, турецкие меховые изделия и т.д. Вряд ли все эти негативные явления можно считать отличительными чертами «развитого» и, тем более, «вполне развитого» социализма. Плановое хозяйство оправдало себя в создании индустрии и крупного сельского хозяйства, в поддержании и развитии оборонной мощи страны, но оно явственно нуждалось в допуске элементов рыночного хозяйства, на чем настаивали многие экономисты в дискуссии начала 60-х гг.

Мы кратко обрисовали негативные черты «развитого социализма» в СССР, которые во многом объясняются недостатком средств для модернизации легкой промышленности, для государственной поддержки сельского хозяйства (в США миллион долларов господдержки на один гектар!), удовлетворения потребности населения в современном жилье и т.д., поскольку ракетно-ядерные вооружения США и других стран

НАТО постоянно совершенствовались. Нам открыто угрожали войной НАТО против СССР. Ясно, что это требовало непрерывного совершенствования советских вооружений. Кроме того, от мирного строительства отвлекались миллиарды долларов на поддержку режимов, объявивших себя социалистическими. И это не считая миллиардов рублей, выделяемых из федерального бюджета (т.е. за счет наиболее развитых районов страны, прежде всего России) на поддержку «братских» режимов. Это касалось, с одной стороны, ряда республик СССР, с другой стороны, – стран соцлагеря в Европе и «соцориентации» за его пределами (Китай, Корея, Куба и др.) По признанию Президента Киргизии А.Акаева, в иные годы Центр дотировал 30% бюджета республики. Наконец, «имперские устремления» СССР под давно устаревшим флагом «мировой революции» требовали затраты не только колоссальных средств, но и потери десятков тысяч жизней советских солдат в Азии и Африке. Только последняя «имперская» авантюра, продавленная в Политбюро Устиновым при робких попытках сопротивления совсем вышедшего из ума генсека Брежнева, оторвала от решения насущных внутренних задач, в том числе отставшей от современных требований системы образования, миллиарды долларов и привела к гибели 15 тыс. молодых мужчин в солдатской и офицерской форме плюс к сотням тысяч искалеченных. Впрочем, и «африканские» войны (Эфиопия, Египет, Сомали, Мозамбик, Ангола и т.д.) не только не содействовали укреплению позиций СССР в «холодной» войне» с США, но, напротив, ослабили СССР, окончательно похоронив идею борьбы за мировое господство в союзе с освободившимися от колониального гнета странами. Наконец, растущие «неурядицы» в «социалистическом лагере», нашедшие наглядное выражение в народных восстаниях (Берлин, 1953 г.), (Будапешт, 1956 г.), (Гданьск, 1970 г.), (Прага, 1968 г.) не смогли убедить руководство страны в том, что надо в первую очередь решать давно назревшие внутренние задачи социально-экономического и культурно-образовательного характера. Тем не менее, они постепенно решались, несмотря на крупные дотации странам Варшавского Договора и союзным республикам, на военные авантюры и, что главное, вынужденные затраты 25% ВВП на цели обороны. (США, при несравненно более мощной экономике затра-

чивали 6% ВВП, а их европейские союзники и того менее). Все это не могло не оказывать тормозящего воздействия на решение задач мирного строительства, в том числе на цели образования и культуры.

Даже в этих сложнейших внешних условиях система образования в послевоенный период быстро развивалась, что нашло прямое выражение в неуклонном росте образованности населения страны. Выражаясь иначе, страна продвигалась к выполнению поставленной еще в 1917 г. цели – **завершению культурной революции**. Но поскольку строительство социализма нельзя к концу 80-х гг. считать полностью завершенным, то и в деле культурной революции оставались до распада СССР многие не решенные до конца задачи.

Регулярно проводимые с 1959 г. раз в 10 лет всесоюзные переписи населения дают нам возможность (не полностью, см. замечание в предшествующей главе) количественно оценить (см. табл. 2) рост образованности населения страны в активном возрасте (20–50 лет) во второй половине XX в., исключая последнее десятилетие. Прогрессивное развитие в рамках совершенствования построенного в основных чертах социализма было искусственно прервано соединенными усилиями враждебных внешних сил и предателей в руководстве страны – Горбачева и особенно Ельцина.

Таблица 2

**Рост образованности населения СССР
во второй половине XX в. (до конца 80-х гг.)**

	1960		1970		1979		1989	
а, А	а60	А60	А70	А70	а79	А79	а89	А89
	5	0,25	6	0,33	7,0	0,35	9,1	0,45
b, В	b60	В60	b70	В70	b79	В79	b89	В89
	111	0,22	188	0,37	198	0,4	240	0,48
с, С	с60	С60	с70	С70	с79	С79	с89	С89
	0,4	0,02	0,4	0,02	0,10	0,05	0,10	0,05
ИОН	–	0,16	–	0,24	–	0,27	–	0,33

Источники: Народное хозяйство СССР в 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г.

Примечания:

1. a_{60} равно среднему числу классов обучения в 1960 г.; $A_{60} = a_{60} : a_{\max}$; соответственно, различаются b и B , c и C .
2. Подсчет a_{60} сделан приблизительно, так как уровень образованности возрастных когорт населения статорганами был указан не от 20 до 50 лет, а «свыше 10 лет». Очень большая убыль лиц с высшим образованием вследствие эмиграции, в том числе среди научной и художественной интеллигенции, а также образованных лиц, принадлежащих к верхушечным классам, была многократно перекрыта подготовкой специалистов за годы советской власти. Выпуск из вузов за 1918–1959 гг. составил 4438 тыс., а из ССУЗов 7261 тыс. человек. Подавляющее их большинство в 1959 г. было моложе 50 лет, т.е. входило в исследуемый нами массив. Колоссальные потери лиц с высшим и средним образованием во время Гражданской и, особенно, Отечественной войны отчасти были перекрыты за счет двух факторов: во-первых, рядовая интеллигенция после установления Советской власти осталась на своих рабочих местах: в школах, больницах, библиотеках и т.д. Более того, половина офицеров царской армии после известных колебаний начала служить в Советской армии в качестве специалистов, а многие – на командных и штабных должностях (например, руководитель знаменитого прорыва на фронте в 1916 г. генерал Брусилов). Выведенная нами цифра средней образованности в 1959 г. в объеме 5 классов (для лиц от 20 до 50 лет) опирается на весьма тщательные подсчеты автора, исходившего из разных источников.
3. Относительно низкий процент затрат на образование в ВВП в первые 20 лет существования Советской власти находит объяснение в бедности страны, а с начала 30-х гг. в сложнейшей внешнеполитической обстановке. Подготовка к ставшей неизбежной после прихода фашизма к власти в начале 30-х гг. войне с Германией (а также Японией) потребовала ускоренного создания современной индустрии, способной производить в массовом масштабе современную военную технику. В годы Отечественной войны все силы народа были мобилизованы на отпор агрессорам, что не могло не сказаться на финансировании образования. После Победы гонка вооружений была навязана СССР из-за ракетно-ядерной опасности, исходившей от США. Уничтожение нашей страны было провозглашено А. Даллесом еще в 1945 г. в качестве самой главной геополитической задачи США. «Холодная война» продолжалась на протяжении десятилетий и потребовала колоссальных затрат на создание ракетно-ядерного щита, что также не могло не сказываться на развитии всех сфер жизни советского общества, в том числе и образования.

Затраты на нужды образования в условиях планового хозяйства шли в основном за счет государственного бюджета, отчасти средств колхозов, роль «других источников» в те времена была крайне незначительна, поскольку образование во всех его формах оставалось бесплатным. Тем не менее и в этих весьма сложных условиях образование (от детсада до вуза) в СССР развивалось быстрым темпом, и со-

ветская система образования была признана западными экспертами одной из лучших в мире.

4. В справочных данных ЦСУ СССР за 1959-1960 гг. ВВП не фигурирует. Было указано, что расходы на нужды просвещения составляли 16,3% расходов госбюджета. Путем сложных расчетов начет соотношения госрасходов, национального дохода и ВВП нам удалось приблизительно установить фактические расходы на образование в процентах к ВВП.

Подготовка к отражению гитлеровской агрессии, 4 года необычайно опустошительной войны, а затем гонка вооружений в период «холодной» войны были исторически неизбежны и обеспечили Победу в Отечественной войне, а затем десятилетия успешного мирного строительства. Но эти внешние условия не могли не сказаться на *социальном* развитии общества, в том числе и на сфере образования. Тем не менее эта сфера сравнительно быстро развивалась. Колоссальные успехи советского строя в послевоенные годы в повышении уровня образованности населения особенно наглядно видны при использовании ИОН как синтетического показателя, который мы считаем современным методом измерения **образованности населения**. В табл. 2 *количественно* с использованием показателя ИОН показано, что рост образованности происходил непрерывно, и поэтому ИОН достиг к концу 80-х гг. отметки 0,33.

Следует заметить, что применявшийся на протяжении столетий критерий **грамотности** для СССР и РФ (как и других развитых стран) в качестве главного, безусловно, устарел, но его **во многих случаях** поныне надо принимать во внимание. Во-первых, этот простейший критерий «работает» при рассмотрении образованности населения стран «третьего мира» и сохраняет определенное значение для многих стран «периферийного капитализма», выступающих на мировом рынке в качестве поставщика сырья для стран Запада, а также быстро прогрессирующих стран Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Китай, Сингапур и т.д.).

Во-вторых, если страны Запада достигли высокого уровня образованности **коренного** населения, то иначе обстоит дело с проживающими в этих странах десятками миллионов мигрантов, которые нужны высокоразвитым странам для выполнения не- и малоквалифицированного труда (только

Япония практически обходится без них). Известная часть мигрантов легализовалась, их дети получают при достижении совершеннолетия гражданство принявшей их страны. В эпоху глобализации рост миграции в развитые страны, несмотря на ограничительные меры, возрастает. Только во Франции при 60 млн. населения проживают 5 млн. легальных мигрантов, в Великобритании это в основном выходцы из бывших колоний: индийцы, пакистанцы, беженцы из Вест-Индии и т.д. Прием Польши в ЕС остро поставил вопрос о притоке в «основные» страны ЕС польской рабочей силы.

Наиболее остро стоит проблема миграции в США и РФ. В США основная их масса – испаноязычные (отчасти англоязычные – из Пуэрто-Рико) выходцы из Латинской Америки и стран Карибского бассейна. «Латинос» в США в большинстве нелегалы, их труд используется при сборе урожая фруктов в Калифорнии и других южных штатах, равно как на уборке улиц, сборе и вывоза мусора из Нью-Йорка и других мегаполисов. Это десятки миллионов современных рабов, неграмотных как на испанском, так и на английском языке. Потомки легализовавшихся мигрантов, получившие гражданство США, обязаны посещать школу. Известная их часть ее заканчивает, но при поступлении в университет (например, в Беркли) для них создаются специальные группы для овладения государственным языком, а заодно «подтягивания» уровня знаний до невысокого уровня, который обеспечивается в США рядовой 12-летней школой.

Пожалуй, еще более остро стоит эта проблема в нынешней России, поскольку, по сути, прозрачные границы с бывшими республиками СССР и полупрозрачные для афганцев, китайцев, вьетнамцев привели к притоку 10–15 (на 145 млн. постоянного населения) миллионов в большинстве своем нелегальных мигрантов. Особенность РФ состоит в том, что чужеземцы заняты не только неквалифицированным трудом. Кавказцы (как граждане РФ из республик Северного Кавказа, так и прибывшие из Азербайджана, Грузии, Армении) захватили в свои руки торговлю на рынках, игровой бизнес, а китайцы и вьетнамцы – производство контрафактной продукции, сбываемой на тех же «свободных» рынках. Мигранты из Украины, Молдавии, среднеазиатских республик заняты, как правило, на строительстве дач для «новых русских», на

дорожных работах, на транспорте. Мигранты переводят «домой» для содержания семей миллиарды долларов ежегодно. Особенно крепки позиции мигрантов в криминалитете, что вызывает стихийные протесты местного русского населения, как это было в 2006 г. в Кондопоге в 2007 г. в Ставрополе и др. Уровень грамотности этих мигрантов (кроме небольшого слоя преимущественно из армян и грузин, вошедшего в интеллигенцию) крайне низок. А детей надо учить! Поэтому только в Москве, по заверению заведующей департаментом образования Москвы, создано сто школ для детей мигрантов, не знающих (или почти не знающих) русского, т.е. государственного языка. В этих школах, начиная с младших классов, обучение русскому языку идет параллельно с изучением родного языка. Это снижает, притом существенно, уровень образованности всего населения страны. Степень знания русского языка, кроме ходячих на рынке слов: «сколько», «почем», «деньги» и т.д., трудно учитывается. При проведении переписи 2002 г. основная масса мигрантов не пожелала в ней участвовать, данные переписи разошлись с данными текущего учета населения более чем на 2 млн. человек. Поэтому в табл. 3 данные об уровне образованности отражают состояние образованности коренных для РФ народов. Между тем численность мигрантов, в том числе нелегальных, растет, точные данные об их количестве отсутствуют, по разным оценкам, речь идет о 10–15 млн. человек, новые правила легализации мигрантов пока не дали ощутимого эффекта.

В-третьих, критерий грамотности не может быть пока полностью сброшен со счетов при оценке степени образованности ряда ранее отсталых народов, этнических групп, например, ненцев или тувинцев, получивших письменность только при Советской власти и до сих пор еще не достигших 100-процентной грамотности на родном и (или) русском языке.

В-четвертых, остаются неграмотными лица самых старших возрастов в малых вымирающих русских поселениях, преимущественно на севере страны, оторванных от центров цивилизации бездорожьем. И, что наиболее прискорбно, при призыве в армию 18-летних юношей обнаруживаются неграмотные, выросшие в отдаленных поселениях, где нет даже «малокомплектной» школы, или в трупобах на городском «дне». Эти будущие солдаты, в руки которых должна быть пе-

редана для освоения передовая военная техника, – один из наиболее болезненных плодов «ельцинских» реформ 90-х гг., т.е. тех лет, когда нынешние 17–18-летние должны были посещать школу. По признанию командующего Московским Военным округом, этих солдат приходится сначала учить грамоте и арифметике, а многих еще подкармливать двойными порциями для достижения так называемой «массы тела», прежде чем они смогут вплотную заняться боевой подготовкой. Так что критерий грамотности еще должен послужить демографам и социологам и у нас, и на Западе, и, тем более, в странах «третьего мира».

Наконец, следует остановиться на социальных проблемах другого рода, связанных с миграцией. Значительная часть преимущественно гуманитарной интеллигенции эмигрировала, вдобавку им были высланы из РСФСР в 1922 г. антисоветски настроенные профессора высшей школы («философский пароход») вроде Бердяева, Сорокина и сотни др. Эти люди пользовались немалой популярностью в студенческой аудитории, и без их удаления с трибуны высшей школы коренная перестройка преподавания общественных наук в духе марксизма была невозможна. Эмигрировали и многие специалисты в области техники, такие, как конструктор вертолетов Сикорский. Вот почему ребром стал вопрос о создании новой высококвалифицированной интеллигенции из рабочих и крестьян. Это касалось не только общественных наук. Без быстрого роста численности врачей, инженеров, строителей, конструкторов новой техники выполнение плана восстановления народного хозяйства, а затем ускоренной индустриализации страны, было бы невозможно. Поэтому численность высших учебных заведений возросла со 105 в 1914 г. до 817 в 1940 г. В предвоенном году в вузы было принято 263 тыс. человек и выпущено ими 126 тыс. специалистов, а в 1950 г. уже 177 тыс. специалистов с высшим образованием (и это несмотря на трудности военного и послевоенного времени). Еще быстрее росла сеть средних специальных учебных заведений: с 459 в 1914 г. до 3773 в 1940 г., с ростом выпуска специалистов среднего звена с 7 тыс. в 1914 г. до 237 тыс. человек в 1940 г. [13].

Теперь необходимо остановиться на *социальной* стороне вопроса. Рост образованности всего населения, в том числе закончивших среднюю школу, о чем шла речь выше, был не-

обходимой предпосылкой увеличения численности студентов, поскольку для приема в вузы требовалась подготовка в объеме полной средней школы. Численность учащихся во всех звеньях системы образования шла быстрыми темпами. В выпускных классах полной средней школы в 1940 г. училось 1291 тыс. человек, что создавало предпосылки для быстрого роста студенчества (война прервала на время этот процесс). О приеме без аттестата о среднем образовании в первые годы нового строя («рабфаки») будет сказано ниже. В 30-е гг. постепенно росла известная социальная диспропорция. Если юноши и девушки из семей интеллигенции и служащих аттестат о завершении учебы в десятилетке в основном получали, то выходцы из рабочих, крестьян, демобилизованных воинов Красной Армии, сравнительно недавно успевшие овладеть грамотой или знаниями в объеме начальной школы, в массе не были достаточно подготовлены к поступлению в вуз. С целью выравнивания шансов в интересах социального равенства и справедливости еще в годы Гражданской войны была создана сеть «рабфаков» призванных в краткие сроки подготовить рабочих, крестьян, демобилизованных воинов к поступлению в вузы и техникумы. Одновременно в дополнение к этому была установлена система «курий», согласно которой зачисление в студенты шло по разной сумме оценок, полученных на вступительных экзаменах. Этим была в известной мере продолжена возможность «выравнивания шансов». Эта система более или менее «работала» при поступлении в педвузы, на некоторые гуманитарные специальности, но прием на естественнонаучные и технические факультеты при этой системе узаконенного неравенства социальных групп, как правило, плохо срабатывал. Могу привести личный пример: на физический факультет Киевского университета в 1934 г. было принято 120 человек, закончilo в 1939 г. всего 29, причем выходцев из рабоче-крестьянской среды среди них были единицы.

В послевоенные годы, когда среднее образование стало массовым, а зарплата начинающего инженера оказалась ниже зарплаты квалифицированного рабочего, рабфаки и система приема «по куриям» отошли в прошлое, но социальный состав принятых студентов продолжал испытывать «перекос». Тяга к высшему образованию стала доминировать среди большинства молодежи, и это подтолкнуло руководс-

тво страны к восстановлению некоего подобия «рабфаков», а именно: имевшие аттестат о полном среднем образовании при условии работы в течение двух лет на производстве в качестве рабочих или колхозников, а также демобилизованные солдаты имели право поступления на годовичные подготовительные курсы при вполне определенных вузах (факультетах) с выплатой студенческой стипендии, а затем, в случае получения положительных оценок при выпускных экзаменах на курсах, принимались в вуз вне конкурса. Этот опыт административного вмешательства в проблему социального равенства дал в целом положительные результаты, по-видимому, потому, что полное среднее образование, хотя бы в виде ШРМ, курсанты (в отличие от рабфаковцев) имели. Я был в то время деканом философского факультета Уральского университета и могу засвидетельствовать, что пришедшие после курсов вне конкурса студенты в целом не отличались по уровню от большинства.

Следующий этап **выравнивания** шансов при поступлении в вуз был сделан в 70-е гг., когда ФЗУ превратились в ГПТУ; большая часть последних давала аттестат о полном среднем образовании такого же образца, как средняя школа, ШРМ (вечерние школы рабочей молодежи), ССУЗы, экстернат. Но выравнивание шансов для продолжения образования в вузе для молодежи из разных социальных групп полностью достигнуто не было. Первая причина – неравенство получаемых знаний, средняя школа с 10–11 специализированными классами давала объем знаний по профилю, соответствующему будущему вузу (факультету), значительно больший, чем остальные учебные заведения, имевшие право выдачи указанного аттестата. Вторая причина имела, пожалуй, еще большее значение. Доски объявлений, парадные подъезды больших домов и даже почтовые столбы на улицах крупных вузовских центров были обклеены объявлениями, а местная пресса полна откровенной рекламой лиц, обещающих ускоренную подготовку (а подчас и гарантию поступления) к вступительным экзаменам в высшую школу. Притом, как правило, платными репетиторами вполне определенного профиля, работавшими как индивидуально, так и с небольшими группами, выступали обычно либо опытные учителя той специальности, которая привлекала абитуриентов, либо преподаватели тех вузов (факультетов), куда стремились по-

пасть жаждущие. И те, и другие зарабатывали не сравнимые с их оплатой труда в школе и вузе деньги. Эти лица «свободных профессий» частично превращались в подлинных мелких частных предпринимателей в сфере образования. Кроме того, вместе с ростом конкурсов в ход все более активно вступали личные связи и административный нажим «сверху» или «сбоку», которому за определенную мзду поддавалось большинство председателей приемных комиссий, деканов, ректоров вузов, поскольку просьбы обычно подкреплялись взятками в явной или скрытой форме. Наиболее верным путем поступления были, пожалуй, платные курсы по подготовке к вступительным экзаменам при соответствующих факультетах, где преподавали будущие экзаменаторы.

Проведенные нами с помощью Всероссийского центра профориентации при Министерстве труда, равно как и группой социологов под руководством Шубкина и Константиновского в вузах Сибири исследования доказали, что социальный состав принятых студентов (особенно на престижных специальностях, суливших выгодное трудоустройство по окончании учебы) существенно отличался не только от социального состава населения региона, но и от контингента лиц, получивших аттестат о полном среднем образовании. «Перекося» в пользу выходцев из семей интеллигенции, а также детей местного, регионального и федерального начальства, наконец, отцов с толстым кошельком, начавшись еще в последние 10–15 лет существования советской системы образования, получил полное развитие вместе с *коммерциализацией* всей системы образования во время следующего периода, о котором речь впереди.

ОБРАЗОВАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРОЦЕССА

В истории постсоветской России, т.е. Российской Федерации в ее нынешних границах, явственно различаются два этапа: 90-е гг. и начало нынешнего столетия; первый принято называть «ельцинским», второй – «путинским» – по фамилиям правивших страной президентов. В целом же весь этот период следует рассматривать как период *реставрации капитализма* в России, притом по наихудшему из всех возможных вариантов. Для сравнения: реставрация капитализма в Чехии дала спад производства всего на несколько лет, поскольку приватизация проводилась по именован чекам, а массовая распродажа государственного имущества вообще не состоялась. В России первый этап был разрушительным во всех отношениях. Полное обесценение вкладов в Сбербанке частных лиц и предприятий, приведшее к массовому ограблению населения и резкому падению производства (Гайдар); приватизация по безмянным чекам, которые скупали по номиналу (10 руб.) будущие капиталисты за бутылку водки (Чубайс); заранее определявшие победителя так называемые «залоговые аукционы» по продаже за бесценок наиболее важных отраслей производства и крупнейших предприятий, т.е. разграбление государственного имущества (Черномырдин) при неограниченной подпитке госбюджета иностранными займами через МВФ (Дружинин) подвели страну к обесценению национальной валюты в шесть раз («дефолт» 1998 г.) и привели к полной дезорганизации управления народным хозяйством и второму резкому скачку в обнищании массы населения. Чеченская война и фактическое распадение государства на части («Берите суверенитета сколько проглотите» – таков был призыв Ельцина) подвели страну к грани развала. В результате рейтинг Ельцина упал до 2%, и он вынужден был уйти, передав власть одному из своих помощников (Путину).

Что касается социальных процессов, то они привели к невиданной по размерам социальной поляризации [14] населения, когда доходы крупных монополистов («олигархов») превос-

ходят доходы основной массы населения в десятки и тысячи раз. Общая характеристика этого разгрома страны дана в сотнях трудов экономистов, социологов, крупных политических деятелей [15]. Основная тенденция развития хозяйства и социальных процессов, к которым относятся процессы в сфере образования, – возрастающая коммерциализация всех видов образования – от детсада до защиты ученых степеней – при весьма робких и неуверенных попытках государства противодействия этому процессу и медленному росту благосостояния населения. Медленному, так как до сих пор (2007) еще не восстановлен жизненный уровень населения 1989 г., и противоречивого, поскольку не только продолжается, но и углубляется процесс социальной дифференциации. Так, при официально провозглашенном «децильном» коэффициенте 15 [16], в реальности разрыв в доходах крайних 10% групп населения достигает 40. Официальные данные о 20% бедных не отражают действительного колоссального разрыва в доходах между незначительной группой богатых людей (капиталистов-олигархов, близких к ним и обслуживающих их интересы лиц, в том числе в СМИ, а также высших чиновников) и основной массы населения, пребывающей в бедности и нищете [17].

В книге Ю.Лужкова «Развитие капитализма в России. Сто лет спустя» приводятся более близкие к реальности цифры разрыва в доходах, чем дает Росстат и постоянно повторяет Президент страны: бедных не 20%, а около 60%, из них нищих 20% [18]. При несколько ином подходе В.Бобков определяет удельный вес бедных, имеющих доход на душу ниже (крайне заниженного властями, различного по регионам) прожиточного минимума, тоже 20%, еще 20% он относит к относительно обеспеченным слоям: что же касается большинства, а именно 60%, то Бобков зачисляет в «промежуточный слой», который либо недоедает, но имеет нормальные жилищные условия, либо питается нормально, но не имеет нормальных жилищных условий [19]. К сожалению, автор не соотносит все три указанных им по своеобразному признаку материальной обеспеченности слоя с социальной структурой населения.

Экономические и социальные процессы в стране за неполные два десятилетия (ибо разрушение экономики было начато еще при Горбачеве в Постановлениях: «О кооперации»

и «О промышленном предприятии»), т.е. с 1988 г. нашли научное и публицистическое отображение в тысячах книг и сотнях тысяч статей в социологической, экономической, правовой, демографической, исторической и т.д. литературе с самых различных точек зрения. Наиболее научно обоснованным нам представляется подход академика Д.Львова. Точка зрения автора отражена в его трудах, в том числе недавнего времени [20].

Однако краткое обсуждение общих тенденций развития страны не входит в нашу задачу; мы касаемся их в той мере, в какой они определяют процессы в сфере образования. Мы ограничиваемся этими вопросами, притом с акцентом на динамику образованности населения в активном возрасте (20–50 лет).

Представляется целесообразным в качестве исходных статистических данных привести итоговые данные Росстата по РСФСР (перепись населения 1989 г.) и Госкомстата Российской Федерации (перепись населения 2002 г.) В качестве существенной поправки к последним следует отметить, что участие в переписи 2002 г. впервые *не было* обязательным для граждан, что привело к ошибке в два миллиона человек: перепись выявила на 2 млн граждан *больше*, чем числилось Госстатом по текущему учету! Более того, есть основания полагать, что сверх этих 2 млн человек от участия в переписи отказалась та часть постоянного населения страны, которая не пожелала показывать себя переписчикам, а тем самым органам правопорядка: бродяги, хронические, давно бросившие трудиться в народном хозяйстве алкоголики, бездомные, зараженные ВИЧ-инфекцией, наконец, представители разросшейся до невиданных ранее размеров криминальной среды. Не приняли участия в переписи также большинство мигрантов. О масштабах криминалитета можно судить даже по одной цифре, приведенной в докладе бывшего Генерального прокурора Устинова год назад: более 800 тыс. человек (мы уже приводили эту цифру выше) находятся в заключении – в тюрьмах, СИЗО, лагерях. А сколько преступников гуляет «на свободе», скрываясь от органов правопорядка! Им участвовать в переписи, право, было «не с руки». Вот почему данные об уровне образованности населения по переписи 2002 г., из которых мы ниже исходим, на деле несколько завышены по

постоянному населению страны, не говоря уже о мигрантах. Кроме того надо учитывать, что в первые годы после распада СССР в Российскую Федерацию вернулись миллионы русских (и русскоязычных) специалистов, посланных ранее в союзные республики, прежде всего закавказские и среднеазиатские, откуда они были изгнаны с занимаемых должностей и заменены представителями коренной национальности, а также были лишены возможности продолжить учебу своих детей на русском языке либо, наконец, были насильно выселены из своих квартир и подверглись прямым гонениям под лозунгом «Возвращайтесь к себе в Россию!». Сейчас этот поток практически иссяк (кроме Туркменистана), несмотря на призывы властей к возвращению русских из всех стран мира, куда их занесла судьба после Октябрьской революции и Гражданской войны (это теперь старики), а также после Второй мировой войны и распада СССР, в том числе эмиграции еврейского населения в Израиль и части немецкого населения в ФРГ. Известная их часть непрочь вернуться при условии предоставления жилья и хорошо оплачиваемой работы. Добавка к населению РСФСР за счет выходцев их бывших союзных республик была ограничена тем обстоятельством, что Родина-мать в трудные 90-е гг. не проявляла достаточной заботы о семьях переселенцев, особенно по части предоставления жилья. И эта «добавка» была вскоре перекрыта растущей эмиграцией населения из РФ, притом в рабочем возрасте, вследствие более высокой оплаты труда специалистов на Западе (о чем далее).

Главной же причиной убыли коренного населения является низкий уровень фертильности. Если в целом по РФ он составляет 1,3, то у русских женщин он менее единицы [21]. (О последних мерах по выправлению сложившегося положения см. ниже.) Вот почему, несмотря на растущий приток мигрантов, в тех же границах (РСФСР и РФ) в 2006 г. официально проживало почти на 3,4 млн. человек меньше, чем в 1989 г., и это при неучтенных миллионах нелегальных мигрантов!

Обратимся теперь к табл. 3 для сравнения уровня образованности населения в возрасте 20–50 лет, причем для большей доказательности выводов, будем делать подсчет по пятилетним когортам. Средний уровень образованности в когортах 20–25 и 26–30 лет остался прежним. Это неудивительно, так как отправившиеся в школу до разрухи 90-х гг. продолжа-

ли первые 10–15 лет своей жизни учиться в соответствии со сложившейся тогда в СССР традицией. Известное снижение уровня образованности тех, кому исполнилось в 1992–2000 гг. 10–18 лет, когда началось массовое выбывание подростков из общеобразовательной школы, отчасти компенсировалось за счет вернувшегося в РФ высокообразованного русского населения; подростки в этих семьях (а это были в основном семьи специалистов и работников администрации) были ориентированы на продолжение образования вплоть до высшего, ибо от этого зависело их будущее жизнеустройство. Когорты от 30 до 40 лет показывают рост образованности. Это те, кто заканчивал вузы, куда они поступали еще до хаоса 90-х гг., или получали вторичное образование в связи с изменениями на рынке труда (например, многие юристы ушли консультантами или управленцами в сферу бизнеса, что потребовало дополнительной учебы в бизнес-школах и некоторых вузах). Этим объясняется известный рост уровня образованности этих, а также двух последующих когорт. Не последнюю роль в росте образованности по сути взрослых, самостоятельных людей в активном возрасте сыграло расширение числа платных вузов (и особенно студентов в них – более 1 млн. человек).

Поступление в коммерческий вуз определялось, прежде всего, готовностью платить за обучение, экзамены при поступлении носили формальный характер. Это облегчило зачисление в студенты с последующим получением диплома лицам с низким уровнем подготовки, но обладающим свободными средствами для обучения, как собственного, так и подрастающего потомства. Следует заметить, что по непонятному для нас распоряжению президента те, кто учится «с полным возмещением средств на обучение», освобождаются от призыва в армию не только в государственных (что еще можно оправдать, ибо основные средства на их учебу и просто существование идут от государства), но и в негосударственных (частных) вузах. Прибыль от содержания частных вузов (колледжей, школ и т.д.) поступает в карман администрации, т.е. отряда предпринимателей, подвигающихся в сфере образования. Студенты этих вузов мужского пола (примерно 40–50% общего числа) «откупаются» от призыва в армию за 1–2 тыс. и более долларов в год. Мои выступления по этому поводу в центральной печати с предложением снять бронь с этой части

Таблица 3

Изменения в уровне образованности населения (а, А)
в период 1989–2002 гг.

РСФСР 1989 – 147,4 млн			РФ 2002 – 145,2 млн		
Когорты	Численность когорт (млн)	Средний уровень образования (а89)	Когорты	Численность когорт (млн)	Средний уровень образования (а02)
20–25 лет	10,476	9,14	20–25 лет	11,466	9,14
25–30 лет	10,612	10,75	25–30 лет	10,613	10,75
30–35 лет	9,836	10,63	30–35 лет	9,836	10,81
35–40 лет	10,216	11,71	35–40 лет	10,216	10,88
40–45 лет	10,216	11,38	40–45 лет	12,546	11,36
45–50 лет	11,606	9,33	45–50 лет	11,606	9,53
Итого по контингенту 20–50 лет	63,952	А89=10,52		65,283	А02=10,09

Источники: РСФСР в цифрах в 1989 г.; Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 г.
Примечание: А89, указанное в табл. 2 по СССР, несколько ниже, чем А89 по РСФСР в табл. 3.

студенчества [22] не нашли публичного ответа от Министерства обороны, хотя приток тысяч молодых солдат-«срочников» с полным средним образованием способствовал бы улучшению боевой учебы, а также оздоровлению обстановки в казармах, в частности, успеху в борьбе с «дедовщиной».

Коэффициент (α) имел по РСФСР в 1989 г. более высокое значение, чем по СССР в том же году (см. табл. 2). Это неудивительно: процент интеллигенции в России был выше, чем в Белоруссии и на Украине за счет присоединения в 1939 г. (фактически после изгнания оккупантов в 1944–1945 гг.) Западной Украины (7 областей) и двух третей территории Белоруссии. Еще более значительным было различие с мусульманскими союзными республиками (Азербайджан, Казахстан). Кроме того следует учитывать, что студенчество в Москве, Ленинграде, других крупных научных и вузовских центрах РСФСР (Свердловск, Пермь, Саратов, Воронеж, Ростов и т.д.) комплектовалось в значительной части за счет молодежи из других союзных республик, что повышало коэффициент (α), особенно в когортах от 20 до 30 лет, в России и соответственно уменьшало этот коэффициент в других республиках Союза.

Известное понижение коэффициента (α) в когортах свыше 35 лет в 2002 г. сравнительно с 1989 г. – результат хаоса 90-х гг. и роста социальной дифференциации. Если часть подростков в деревне и на городском «дне» не получала даже «основного» образования, то состоятельная часть общества компенсировала средние по стране цифры усиленным притоком молодежи в высшие учебные заведения, а также стремлением получить вторичное образование известной части специалистов, не находящих применения в своей сфере или неудовлетворенных оплатой труда по полученной в вузе профессии. Переводя эти цифры на «язык» ИОН, получаем: $A02:A\alpha_{max}=9,79:20=0,503$.

Что касается коэффициентов B и C при сравнении РСФСР в 1989 г. и РФ в 2002 г., то следует, прежде всего, обратить внимание на чрезвычайно быстрый рост численности студентов. Эта тенденция обозначилась еще в 80-е гг. В 1989 г. в вузах СССР обучалось 5178 тыс. студентов, в пересчете на 10000 населения (288624 тыс.) это дает 179. Из чего следует, что в России $B89:B\alpha_{max}=0,38$. Численность студентов уже тог-

да превосходила потребность народного хозяйства в притоке новых специалистов. Но эта тенденция получила дальнейшее развитие вследствие коммерциализации образования: быстрого «размножения» частных вузов (при сниженных требованиях на приемных экзаменах), что соответствовало, с одной стороны, желаниям обзавестись «корочками» чиновников, многих деятелей СМИ, предпринимателей и т.д. и, с другой стороны, интересам указанной категории предпринимателей, а отчасти и преподавателей частных вузов, которые за краткие поездки на периферию и в филиалы (а они развелись тысячами: в Туле, к примеру, на 2 госвуза приходилось 10 филиалов) стремились несколько поправить свое незавидное материальное положение. Одновременно шел процесс коммерциализации государственных вузов, которые стали принимать за плату больше студентов, чем бюджетников. В 2005 г. «с полным возмещением расходов на обучение» в частные вузы было принято 100%, а в государственные вузы – 57,5% общего числа поступивших [23].

Социологические исследования, проведенные еще в 70–80-х гг., свидетельствовали, что социальный состав студентов, прежде всего «очников», не соответствует социальному составу населения. Попыткой «уравнения шансов» в СССР было открытие «средних» ГПТУ. В «эпоху Путина» такого рода попыткой было уравнивание шансов жителей столиц и крупных центров с жителями периферии путем введения единого государственного экзамена (ЕГЭ), сначала в некоторых регионах, а с 2009 г. во всех школах страны. Эксперимент с ЕГЭ скоро должен закончиться, ЕГЭ станет обязательным. Однако, по нашему мнению, дорогостоящий эксперимент с ЕГЭ не оправдал возлагаемых на него надежд. Во-первых, он ничего не дает, кроме известных по результатам исследований малоутешительных сведений о низком качестве знаний выпускников средней школы на периферии, тем более что во многих школах по инязу и другим важным предметам стоят прочерки из-за отсутствия кадров преподавателей. Во-вторых, при введении ЕГЭ он был на словах «железно» увязан с ГИФО, т.е. с выдачей стипендии тем, кто принят в институт по высоким результатам ЕГЭ, Но за эти годы проповедники ЕГЭ и практики, занятые составлением программ, учетом результатов по регионам и по стране, с благословения властей о ГИФО «забы-

ли!»! Неудивительно, что до 30% принятых в московские вузы по результатам ЕГЭ просто не являются на занятия; прожить в столице без достаточной для жизни стипендии (назвать ее можно по-разному, в данном случае ГИФО) могут лишь те, у кого богатые родители либо те, кто совмещает учебу с работой по любой, в том числе далекой от профиля вуза специальности. Мы уже отмечали, что с 2009 г. ЕГЭ будет введен в обязательном порядке во всех регионах и школах страны. Но поскольку фактически при приеме в мало-мальски престижные вузы (специальности) помимо учета результатов ЕГЭ проводятся собеседования (фактически экзамены) по профилирующим предметам, свидетельство о получении ЕГЭ с положительными оценками просто заменяет аттестат о полном среднем образовании. Вместо обещанного, но несостоявшегося ГИФО студент в последнее время может получить беспроцентный «образовательный» кредит на определенное число лет обучения в вузе с постепенной выплатой этого кредита в последующие годы из зарплаты. Этот вид кредита не получил, однако, пока что широкого распространения, так как большинство выпускников не убеждены, что получают по окончании вуза должность с достаточно высокой зарплатой, чтобы быстрее выплачивать кредит. Эта неуверенность усугубляется тем, что молодым специалистам предстоит решить еще (в большинстве) проблему жилья, а ипотека на получение квартиры в новом доме у нас чрезвычайно высока – 10–12% годовых (в отличие от стран Запада, где она составляет 2–3%).

Министр образования и науки А.Фурсенко заявил, что государство нуждается в притоке ежегодно 175 тыс. новых специалистов с высшим образованием. Это предполагает общую численность студентов несколько более одного миллиона (с учетом выбывающих по болезни или неспособности усвоить учебный материал.) А у нас насчитывалось в 2005 г. 5985 тыс. студентов в государственных и 1079,3 тыс. в частных вузах, итого более 7 млн с общим выпуском 1152 тыс. человек [24]. Число вузов и их филиалов, особенно частных, надо сокращать. Это не очень сложная «процедура»: надо временно заморозить выданные ранее лицензии и свидетельства об аккредитации и в краткий срок, после тщательного изучения каждого вуза (филиала) выдать новые лицензии только тем, которые имеют достаточную материальную базу, должный

процент профессоров и доказали на деле, что выпускаемые ими специалисты соответствуют требованиям и находят применение в народном хозяйстве. И лишь после этой «чистки» выдать новые лицензии, причем с точным перечнем специальностей, по которым может быть выдан диплом (юристов сейчас готовят 137 вузов, причем самых разных по основному профилю). По мнению директора ГУ – Высшей школы экономики Я. Кузьмина, качественное высшее образование ныне дают лишь 15% существующих учебных заведений, носящих название «высшего».

Обратимся теперь снова к ИОН. В пересчете на 10000 населения это дает: 488 человек, что близко к мировому максимуму. Согласно принятой нами системе исчисления ИОН: $602:B_{\max}=0,976$.

В результате неразборчивости или коррупции в Минвузе в конце прошлого и начале нового века число вузов и студентов в них оказалось раздуто, а обратная «операция» требует известного времени и твердости установок руководства Минобразования и науки. Без этого будет продолжаться перепроизводство специалистов по многим специальностям, а колоссальные государственные средства расходоваться понапрасну или идти на пополнение людских и финансовых ресурсов в других странах за счет выпускников, выезжающих на постоянную работу за границу (это, в основном, физики, химики, биологи, биохимики, специалисты по вычислительной технике, высокоподготовленные инженеры, т.е. те кадры, в которых особенно нуждается наша страна при переходе на путь интенсивного, основанного на достижениях науки развития). С другой стороны, отказ от работы по полученной специальности в России получил широкое распространение, особенно среди выпускников педвузов и колледжей. Не случайно, в 2007 г. Минобразования объявило о сокращении приема в педвузы на бюджетной основе – и это при недостатке преподавателей по русскому языку, математике, физике, химии, иностранному языку во многих школах на периферии, а по иностранному языку и в Москве. Это решение Минобразования может показаться странным, но оно вполне оправдано, так как малый процент молодых учителей приступает к работе по завершению учебы в педвузе и педколледже по специальности из-за низкой оплаты труда в школе: они вынуждены искать

применение своим знаниям (например, по математике) в других областях хозяйства, особенно в коммерческой сфере, где заработки на порядок выше. Мы уже отмечали выше, что значительная часть мужского контингента студентов, внося плату за обучение в негосударственные вузы, просто «откупается» от призыва в армию. Призыв в армию на срочную службу на один год будет и после 2009 г., поскольку полностью перевести армию на контрактную основу в краткий срок не удастся, как по недостатку средств, так и вследствие трудностей набора таких по качеству контрактников, которые отвечают требованиям профессионального солдата при сравнительно скромном вознаграждении и часто отсутствии жилья. Так что мое предложение в первую очередь по молодым мужчинам в возрасте до 27 лет в негосударственных вузах было сделано с учетом того обстоятельства, что срочная служба по призыву (на один год) будет продолжена еще на неопределенное число лет.

Чтобы закончить с исчислением ИОН за 2002 г., нам осталось привести данные по параметру (с), поскольку значение параметров (а) и (б) уже упомянуты выше. ВВП в 2002 г. достиг 1379 млрд. руб. [25]. Что же касается государственных расходов на образование, то они составили 414,1 млн. руб. [26], что составляет 3% всех расходов государства, но всего лишь 0,045% ВВП, т.е. поистине ничтожную цифру. Государство уходит из сферы образования, о чем так мечтали профессор Донцов (и другие члены АПН), радетели ускоренного перехода сферы образования на путь капитализма еще в период дискуссии конца 80-х гг. В научной плоскости спор шел о том, должна ли быть общеобразовательная школа *общественно-государственной или государственно-общественной*. Спор был разрешен в пользу примата государства, благодаря наличию тогда в Думе левого большинства. Ударение было сделано на государственно-общественный характер школы. Но логика развития капитализма в России все более подводит к господству формулы Донцова. Это ясно при конкретизации соотношения расходов государства и общества на школу. Впрочем, в предложениях о превращении школы в АУ (автономные учреждения), исходящие от Минобразования, нетрудно видеть возрождение установок Донцова и К°.

Действительно в условиях растущей со дня на день *коммерциализации всей системы образования* расходы госу-

дарства на сферу образования составляют сравнительно малую долю затрат общества. Платить ныне в РФ надо за все: за пребывание ребенка в дошкольном заведении, хотя детских садов катастрофически не хватает даже при падении уровня рождаемости вдвое сравнительно с 80-ми гг. Платить надо за снаряжение ребенка в первый класс: стоимость ранца, учебников, тетрадей, карандашей для рисования, обуви для занятий физкультурой и т.д. составляла в Москве в 2005 г. по подсчетам экономистов не менее 5 тыс. руб. на одного 6-летнего гражданина, поступающего в школу. В школе эти расходы возрастают из года в год – вместе со сменой одежды, заменой учебников (причем рекомендуют, как правило, не один, а несколько учебников по данной дисциплине), плюс к этому (особенно по гуманитарным наукам) рекомендуемых пособий и произведений литературы (которые в большинстве школ имеются в библиотеке в ничтожном количестве, ибо денег на пополнение библиотечного фонда не выделяется), платой за ремонт школы, ее уборку и охрану, за ДОУ (дополнительные образовательные услуги – занятия в кружках по интересам или уроки по дисциплинам, не входящим в учебный план). Наконец, стало традицией преподносить подарки учителям, платить за экскурсии в другие города и памятные места, устраивать пышные выпускные вечера и т.д. Расходы населения на образование потомства возрастают от детского сада до вуза. Особенно остро стоит вопрос об условиях жизни студентов-бюджетников в Москве и Петербурге; они получают при должной успеваемости ничтожную стипендию, прожить на которую невозможно. Частично платят за все сами студенты, если у них находится время для работы или очень заставляет нужда, притом самой различной, включая разноску объявлений коммерческих фирм по квартирам, уроки школьникам и студентам младших курсов, вплоть до занятий проституцией. Само собою разумеется, мы говорим о студентах-очниках в вузах и средних специальных учебных заведениях, которые являются «бюджетниками». Что же касается заочников в государственных вузах, то их в 2002 г. было более 2 млн. Расходы на поездки и на проживание в городе, где расположен вуз, ныне государство не оплачивает, равно как частный предприниматель не соглашается на сохранение зарплаты во время зимней и летней учебных

сессий. Руководство большинства учебных заведений начального профтехобразования (в них учатся более 1,5 млн.) берут за свои услуги весьма приличные суммы – в отличие от ГПТУ, где платили стипендию и предоставляли различные льготы. Наконец, полностью оплачивают расходы на обучение учащиеся частных гимназий и лицеев, колледжей, вузов. Студенты негосударственных вузов и принятые на таких же условиях слушатели ССУЗов., переименованных в большинстве в колледжи, за все платят сами или их родители.

Таким образом, в условиях растущей коммерциализации основные расходы на образование в современной России несет население. Вот почему определить количественно значение этих расходов, а тем самым коэффициент $C02$ можно только приблизительно. Мы остановились в своих предварительных подсчетах на цифре расходов населения в 2 млрд. руб. (на 2002 г., ныне больше), что вместе с расходами государства в сумме дает 2,4 млрд. руб.; это равно 1,75% ВВП. При сопоставлении с максимальными расходами в передовых странах мира (приближающихся к 10%) это дает значение $C02=0,17$. Следуя изложенной выше методике исчисления ИОН, получаем следующий итоговый результат: $A02+B02+C02=0,503+0,952+0,175=1,630$, а после деления на три $ИОН=0,54$. Эта цифра выше, чем по СССР в 1989 г. прежде всего за счет несоразмерного раздутого числа студентов, что выражается в большом значении индекса (б). Отчасти и потому (об этом было упомянуто ранее), что в России процент образованных людей был выше, чем по СССР в целом. Сказывается и прибытие в Россию миллионов специалистов из бывших союзных республик. С другой стороны, утечка за рубеж примерно 2 млн. квалифицированных кадров (по оценке профессора Зернова, прозвучавшей на заседании Госсовета) снижает показатель $A02$ и ИОН в целом.

Высокоподготовленные специалисты (среди них 20% кандидатов и 2% докторов наук) преимущественно по дефицитным в век НТР специальностям выезжают за рубеж без ограничений, ибо зарплата научного работника (или даже лаборанта, техника и т.д.) там много выше. На последние из упомянутых должности претендуют прежде всего бакалавры (о них далее), проучившиеся в высшей школе 4 года. Главная особенность утечки таких кадров из России состоит в том, что

они выезжают, не возместив родному государству, т.е. обществу ни копейки за миллионы, затраченные на их обучение!

Перейдем теперь к изменениям в системе образования, происшедшим в 90-е гг. К концу 80-х гг., что соответствовало задаче, поставленной в Конституции 1977 г., сложилась весьма стройная система образования, позволяющая получить подавляющему большинству молодежи полное среднее образование: а) 11-летняя средняя школа, часть которой имела старшие специализированные классы; б) средние специальные учебные заведения, готовившие педагогов младших классов, медсестер, техников в самых разнообразных областях, агрономов и ветеринарных врачей среднего звена и т.д.; в) «средние» ГПТУ, которые выдавали диплом о среднем образовании вместе с получением разряда по рабочей профессии; г) ШРМ, которые давали тот же диплом на основе совмещения учебы с работой на заводе, в больнице и т.д. Эта сложная система в целом оправдывала себя и к концу 80-х гг. около 90% молодых людей получали полное среднее образование. Она оправдала себя и потому, что, во-первых, позволяла соединять профессиональную подготовку с обучением основным предметам на уровне средней школы, разве что при несколько урезанной программе в гуманитарных областях в ГПТУ с увеличенным сроком обучения до 4 лет. Во-вторых, для тех, кто поступал в ГПТУ после получения неполного среднего образования, открывалась неплохая перспектива, ибо после трех лет обучения они получали специальность, им предоставляли квалифицированную работу в важнейших отраслях промышленности. Сказанное касается и выпускников ГПТУ, получивших диплом, той их части (примерно одна треть общего числа), которая поступала в ГПТУ с более низким уровнем образования и непосредственно вливалась в ряды квалифицированного рабочего класса.

Эта весьма стройная система была подвергнута полной ревизии с приходом к власти Ельцина и снятием с государства ответственности за судьбы молодого поколения. Наиболее рьяные сторонники скорейшей капитализации страны, в том числе системы образования наткнулись на сопротивление Государственной Думы, в которой тогда имело перевес левое большинство. Поэтому Закон «Об образовании» 1992 г. имел компромиссный характер. Думское большинство отвергло формулу, что школа должна быть «общественно-государс-

твенной», формулу, которая давала простор для полной коммерциализации основного звена системы образования. Школа была признана в Законе *государственно-общественной*, т.е. оставалась в основном государственной, хотя правые при поддержке Ельцина отменили принципиальное положение о «всеобщем полном среднем образовании», заменив его положением об «обязательном неполном среднем образовании», названном для камуфляжа «основным». Переход в 10-й класс первоначально ограничивался, число школ, дающих полное среднее образование, сократилось, и только под давлением общественности экзамен при переходе в 10-й класс был отменен. Наиболее обстоятельный критический разбор реформы 1992 г. и ее последствий в 90-е гг. дан в монографии Т.А. Панковой [27].

Но главные процессы в системе образования происходили **стихийно** под воздействием изменений в социально-экономической ситуации, коммерциализации всего и вся, социальной поляризации, разделившей общество на незначительное меньшинство богатых и основную массу бедных. Под флагом передачи всего, что только можно передать, частному капиталу, было закрыто большинство дошкольных учреждений, их помещения скуплены коммерсантами или захвачены государственными, прежде всего муниципальными властями. Только сейчас, в предвидении роста рождаемости мэром Москвы Ю.Лужков в 2006 г. добился «освобождения» тысячи бывших детских учреждений для передачи Департаменту образования столицы и обещал в 2007 г. построить тысячу новых, что должно ликвидировать очередь семей, желающих пристроить ребенка в детсад, а тем самым дать возможность тысячам молодых матерей заняться профессиональной деятельностью. Но не всюду есть мэры, подобные Лужкову, и достаточный запас средств в городском бюджете для выкупа, ремонта и строительства новых детских садов.

Если мы до сих пор говорили о количественной стороне дела, то не менее важна качественная. Уровень преподавания в школах в целом по стране заметно снизился, что нашло выражение, например, в том, что наши лучшие ученики на международных конкурсах по отдельным наукам вместо мест в первой десятке откатились в 4-ю–5-ю десятку, уступив первые места учащимся из Сингапура и других стран Восточной Азии.

Особенно пострадали общественные науки. В соответствии с новыми учебниками история страны извращалась, цар-

ский период идеализировался, в то время как период бурного взлета страны в советский период изображался преимущественно черными красками. Последовательное изложение исторического и литературного процесса, вследствие разрыва между программой «основной» и средней школы, было нарушено. Оценки событий и исторических деятелей приобрели субъективный характер, логика исторического процесса была отставлена и заменена запоминанием дат исторических событий. Так же обстояло дело с логикой развития русской словесности, тем более что интерес к чтению книг среди молодежи катастрофически упал, был заменен просмотром телевизионных версий по основным произведениям литературы. Или, того хуже, просмотром американских фильмов, вселяющих презрение к жизни другого человека, распушенность нравов и т. д. Россия перестала быть «самой читающей страной в мире», да и читать стали преимущественно ловкие поделки Б.Акунина, Марининой, Донцовой и других литературных ремесленников, издающиеся в мягких обложках по низкой, доступной обывателю цене. Поэтому и на экзаменах фактические знания имен и дат заменили понимание хода исторического процесса, глубинных причин выдающихся исторических событий, равно как знание нескольких наиболее известных стихов (или отрывков из них) – понимание сути важнейших произведений русской классической литературы. Наконец, неравенство знаний вследствие различий в типе учебного заведения, его насыщенности преподавателями должной квалификации искажало результаты выпускных экзаменов, обесценивало золотые и серебряные медали. То же самое наблюдалось при сдаче вступительных экзаменов в высшую школу. Посредственность или даже неудовлетворительность ответов на экзаменах возмещалась звонками «сверху», а чаще подношениями обеспеченных или занимающих высокие должности в административных органах родителей. Поступление в вуз «по блату» имело место и в советские времена, но полный расцвет этого явления стал бурно нарастать вместе с умножением привилегий номенклатуры и ростом ее численности и влияния. И все же прогресс в развитии образования продолжался до конца 80-х гг., когда начался процесс капитализации страны и развала советской системы образования.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

При постановке задач на будущее лейтмотивом идей Президента Путина было **удвоение производства**. Эта цель варьировалась, сроки ее выполнения переносились, но, в конце концов, ВВП РФ действительно вырос с начала XXI в. более чем в два раза. Однако структура производства при этом практически осталась неизменной: Россия продолжала оставаться поставщиком сырья, прежде всего нефти и газа, на мировой рынок, а также необработанного леса («кругляк»), алюминия, ряда цветных и редких металлов, алмазов, минеральных удобрений (которых так не доставало собственному сельскому хозяйству) и т.д. Процент инноваций в производство составил в 2005 г. 0,5% от их мирового числа. И только к концу второй половины срока своего президентства Путин сделал первые шаги по изменению курса социально-экономической политики. Между тем, ему было хорошо известно, что разоренные Второй мировой войной, побежденные в ней Япония и ФРГ сумели быстро перестроить структуру хозяйства, сделав ставку на *hi-tech* отрасли производства, производящие товары, находящие сбыт на мировом рынке, и на воспроизводство «человеческого капитала», прежде всего рост кадров инженеров, квалифицированных рабочих и ученых в областях науки, обеспечивающих технический прогресс. Наши лучшие экономисты, никак не уступающие по интеллектуальному потенциалу Эрхарду или Икеда, давно рекомендовали, во-первых, «слезть с нефтяной иглы» и уделять достаточные средства для восстановления «лежащих на боку» и, особенно, развития новых отраслей производства, что предполагает поднятие культуры и образованности народа, прежде всего подготовку кадров для основанной на достижениях науки индустрии. Но Правительство не имело на это сил отчасти из-за долговой петли, оставленной в наследство Ельциным, и необходимости покончить с чеченским терроризмом, но главным образом потому, что выражало интересы нефтяных и прочих магнатов. Президент избавился от тех олигархов, которые претендовали на политическую власть – Березовского, Гусинского, Ходорковского. Но правительство не смогло и не захотело заставить сырьевых олигархов переключить часть своих сверхприбылей на создание технологически новых отраслей производства и на удовлетворение насущных

социальных проблем страны, в том числе на образование, здравоохранение, обновление жилого фонда, подъем сельского хозяйства и т.д. Наши «либералы» по сей час продолжают настаивать на том, что государство должно минимально участвовать в экономике и поэтому не должно вкладывать средства в обновление инфраструктуры производства и поднятие крайне низкого уровня жизни большинства населения. Но ведущие экономисты, начиная с академика-секретаря Отделения экономики РАН академика Д. Львова, давно настаивают на национализации недр, что сразу заставило бы сырьевых магнатов удовлетворяться прибылью от труда наемных рабочих, а не присваивать к тому же богатства естественных ресурсов страны. Столь же настойчиво эти экономисты и левые партии давно рекомендуют отменить введенную Думой (по инициативе Б.Немцова) «плоскую» шкалу налога в 13% с доходов *всех* индивидуальных лиц, вернувшись к дифференцированной шкале: у нас максимум был 30%, в Западной Европе для богатых он равен 40–50% (в Италии – 66%). Только две эти меры сократили бы паразитическое потребление «новых русских», как-то: скупку лучших зданий и невероятные роскошества наших богачей в Лондоне, приобретение вилл в лучших курортных местах Средиземноморья, модных альпийских курортах, скандальное поведение, как в Куршевеле, и т.д. Точно так же оно сократило бы вызывающее негодование большинства граждан застройку Подмоскovie (в том числе в охранной зоне водохранилищ, роскошными дачами и «rublevsca life» на них.) Это дало бы возможность поднять в самую первую очередь зарплату «бюджетников» до регионального (очень скупо подсчитанного) прожиточного минимума, точно так же, как среднюю пенсию с 24% заработка до 50–60%, как в странах Запада, которые не без основания именуют себя «социальными государствами». Эта же формула о «социальном государстве» записана в Конституции РФ, но абсолютно не соблюдается. Разрыв между богатством и бедностью (а также входящей в нее нищетой) достиг «децильного коэффициента» 15 (Росстат), а на деле – 40 или даже более – до 50 (по расчетам независимых экономистов). Такой разрыв свидетельствует о переходе порога «социальной нестабильности», и он продолжает расти. Наше «социальное государство», пока не будут выполнены хотя бы указанные условия, не имеет и не будет иметь достаточных средств для решения назревших социальных задач.

Совсем недавно, в 2006 г., когда долги Парижскому и Лондонскому клубам оказались выплачены, а Стабфонд (страхующий от понижения цен на нефть на мировом рынке) достиг астрономической величины, он был поделен на две части: Стабфонд и Фонд развития. Именно за счет последнего были объявлены и начали выполняться четыре «президентских программы»: по образованию, здравоохранению, обеспечению населения жильем, помощи сельскому хозяйству, находящемуся в глубоком кризисе, вследствие которого страна вынуждена импортировать половину продовольствия. Фактически к этим четырем добавилась пятая: демографическая – по повышению рождаемости и снижению смертности населения страны, с тем, чтобы переломить начавшуюся с начала 90-х гг. естественную убыль коренного населения страны. Объявленная В.Медведевым цель к 2011 г. свести эту убыль к нулю нам представляется неосуществимой, она скорее может быть названа «пиаровской». Для решения этой задачи потребуются несравненно более длительные сроки и колоссальные затраты государства. Аналогичным образом заверения Кудрина, что через 3–4 года мы догоним Италию по жизненному уровню населения, почти дословно повторяют обещания, данные Путиным при «восхождении на престол», – за несколько лет «догнать Португалию»; на сегодняшний день годовой доход на одного жителя в Португалии возрос до 18 тыс. долл., а у нас едва перевалил за 3 тыс. То же будет с «обещанием» Кудрина. В соответствии с темой мы остановимся только на одной из указанных программ – по образованию.

Осуществляемые в 1996–1997 гг. по этой программе меры, на наш взгляд, являются, безусловно, полезными, но *паллиативными*. Действительно, оснащение школ компьютерами и приобретение «школьных автобусов» – благое дело, на это и уйдут основные средства программы по образованию. Но главное – подъем уровня образования, прежде всего школьного, а это невозможно без резкого подъема зарплаты учительству. И в этом самое слабое звено программы. Оно сведено к следующим мерам: прибавка классным руководителям 1 тыс. руб. в месяц, что не меняет ситуацию в педколлективах, поскольку это, как правило, учителя младших классов, получающие по ЕТС наименьшую зарплату. Кроме того, эта прибавка снабжена любопытной оговоркой: она выплачивается полностью при наличии в классе 25 учащихся. Но даже в больших селах Нечерноземья при устойчиво низкой на селе рождаемости, не всегда

удастся набрать 25 человек в класс, в этом случае классный руководитель получает определенный процент от упомянутой тысячи рублей (например, если в классе 15 человек, то прибавка будет равна 600 руб.). Весьма сомнительным представляется выделение 40–60 тыс. руб. «лучшим учителям». К примеру, в Оренбургской области таковых оказалось 137 на 30000 учительского корпуса; примерно такова же пропорция «лучших» и в других субъектах федерации. Это – капля в море, причем выделение «лучших» достаточно спорный и субъективный процесс, зависящий от отношения к тебе местных властей.

Не лучше обстоит дело в вузах. Прибавка доцентам 3 тыс. руб., а профессорам – 7 тыс. руб. в месяц оставляет их на пороге бедности, а основная масса преподавательского состава, особенно молодых преподавателей и научных работников вузовских лабораторий остается в прежнем положении. Выделение 40 лучших вузов и выдача им солидных грантов на достижение результатов в научно-техническом прогрессе, в разработке инноваций, безусловно, позволит им серьезно обновить экспериментальную базу и в перспективе может дать известный эффект в обновлении производства. Но и этот шаг правительства оставляет в стороне проблему оплаты труда основной массы вузовских преподавателей и ученых. Что же касается РАН (а также РАМН и других государственных академий), то вопрос об оплате их труда остается пока что открытым – по крайней мере до утверждения Президентом Устава РАН в той его редакции, которая была единогласно принята на последнем Общем собрании РАН. А пока что в этом состоянии неопределенности из Академии и вузов продолжается «утечка мозгов» за рубеж.

Необходимо поднять зарплату всем учителям минимум в три раза. Таково программное требование КИРФ, которое осуществлено губернатором Петербурга Матвиенко. Вообще же говоря, и для школ, и для вузов должна быть принята вместо ЕТС своя тарифная система, в которой нижняя (первая) ставка равна прожиточному минимуму для взрослого человека. Осуществимо ли это требование в рамках продолжения весьма куцей и полной противоречий «президентской программы» по образованию? Это весьма сомнительно. Дело упирается в государственное финансирование. Но в трехлетнем финансовом плане на 2008–2010 гг., который представлен министром финансов А.Кудриным Думе, предусмотрено *сокращение ассигнований* из консолидированного госбюджета на рассматрива-

емые президентские программы, в том числе по образованию. Подготовка кадров для инновации производства и вообще рост образованности населения могут всерьез сдвинуться с места, когда расходы на образование из **всех** источников не достигнут хотя бы средней для ЕС цифры в 5%, причем решающая роль к их повышению должна принадлежать государству.

В заключение еще о двух вопросах, которые волнуют общественность и обсуждаются в Думе. Первый – о введении всеобщего 11-летнего среднего образования. По существу, никто не возражает против возвращения к норме, провозглашенной 30 лет назад и в основном достигнутой к концу 80-х гг. Справедливой представляется отсрочка к призыву в армию до 20 лет для тех, кто позже на год поступил в школу, задержался со сдачей экзаменов и получением аттестата о полном среднем образовании по уважительным причинам. Особенно это важно для выпускников технических, медицинских и т.д. колледжей. Но авторы проекта нового закона не задумываются о тех, кто поступил в школу в 6 лет и закончил ее в 17. И, особенно о тех, кто выбыл из школы после 9 классов или того ранее вследствие трудных семейных обстоятельств. Что они будут делать год (а иные 2–4 года) до призыва в армию? Советская власть об этом задумывалась. Система ГПТУ подразумевала, что после окончания 11-го класса молодой человек может поступить в ГПТУ и получить специальность, а потом решать, идти ли ему в вуз или остаться квалифицированным рабочим со средним образованием, с тем, чтобы через некоторое время, если это будет требовать продвижение по службе, поступить на очное, заочное или вечернее отделение высшей школы. Не задумываются авторы проекта этого закона и о тех примерно 2 млн. подростков, которые ограничатся «основным» образованием или, того более, покинут школу в 5-м–8-м классах, а таких сейчас в РФ около 2 млн. человек. Система ГПТУ предполагала набор в группы без среднего образования, с тем, чтобы пополнять ряды рабочего класса.

Система образования обладает цельностью и внутренней логикой. Принять закон о всеобщем 11-летнем среднем образовании можно, но при этом одновременно надо возрождать систему профтехобразования, причем не только для пополнения сферы обслуживания, а прежде всего промышленности, особенно новых ее отраслей. Кстати говоря, так обстоит дело в Германии, об этом было упомянуто нами ранее.

Наконец, надо коснуться еще одного вопроса, касающегося высшей школы и активно обсуждаемого не только в вузовской среде, но и в обществе, – о разделении ее выпускников на магистров (6 лет) и бакалавров (4 года). Нам кажется, что слепое заимствование «болонской» системы может принести вред. Университетские специальности (прежде всего речь идет о МГУ и других старых университетах, а не о тех, кто недавно получил эту наклейку для славы города, региона и к радости начальства), равно как о подготовке высококвалифицированных инженеров (Бауманка, МАИ, СТАНКИН и т.д.), врачей (мединституты), научных работников (МФТИ), на наш взгляд, безусловно, требуют пятилетнего (или немного более длинного, как в Медине или МГИМО) срока обучения. Не случайно, группа видных ректоров во главе с Садовничим обоснованно выступает против «бакалавризации», за сохранение «специалиста». С другой стороны, есть немало специальностей, для овладения которыми вполне достаточно проучиться в вузе четыре года. Например, страна имеет опыт четырехлетнего обучения учителей-предметников для средней школы, и он себя оправдал. Не обязателен 5-летний срок для юристов, менеджеров и т.д. На наш взгляд, в этом вопросе необходимо не слепое следование за границе, а дифференцированный, глубоко продуманный подход к специальностям и отдельным вузам, а не общее для всех и вся решение, к которому, как будто, склоняется Минобрнауки.

Итак, система образования в России начала XXI в. стоит на пороге больших перемен, перед лицом новых задач, без разумного решения которых *государством при участии бизнеса* нельзя продвинуться дальше в подъеме культурного уровня и образованности населения страны. И эта задача неразрешима в условиях существующей социальной дифференциации, как в экономике, так и в доступе к образованию. Децильному коэффициенту 40 полностью соответствует диспропорция между растущим числом людей с высшим образованием и неграмотностью и полуграмотностью значительной части молодежи, вплоть до призываемых в армию для защиты Отечества молодых солдат. Наше государство должно поскорее стать **социальным** не по названию, а на деле, хотя бы в таком понимании этого понятия, которое давно имеет место в Швеции и других скандинавских странах. *Перспективы развития страны в первую очередь зависят от коренного изменения курса социально-экономической политики.*

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С.209.
2. См. БСЭ. Т. 24. С.1188
3. Там же. С.1187.
4. Россия. 1913. С.67.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С.127.
6. OECD in Figures. 2005. P.66.
7. Ibid.
8. Ibid. P.67.
9. Народное образование, наука и культура в СССР. С.19.
10. РСФСР в цифрах в 1989 г. М., 1990. С.8.
11. Образование в России. 2003. С.392.
12. Народное хозяйство СССР в 1960 г. С.24.
13. Народное образование, наука и культура в СССР. М. С.19.
14. Руткевич М.Н. Социальная поляризация // «СОЦИС». 1992, №5. Эта тема продолжена в ряде других статей в том же журнале в 90-е гг.
15. Трушков В.В. Реставрация капитализма в России. М., 2003; *его же*. Как разжаловали державу в «ночные сторожа» (государство реставрации капитализма). М., 2004.
16. Последнее время официальная статистика избегает указывать децильный коэффициент, т.е. соотношение доходов 10% населения с наивысшим доходом к 10% с низшим. Она предпочитает измерять дифференциацию по «квадрилям», а не по «децилям». Но данные «по квадрилям» не менее убедительно свидетельствуют о тенденции роста пропасти между крайними группами, т.е. о росте социальной дифференциации. В 2000 г. 20-процентная группа с наименьшими доходами получила 5,9% всех доходов, в то время как 20-процентная группа с наивысшими доходами – 46,7%. В 2005 г. это соотношение составило 46,5:5,5, т.е. возросло с 7,5 до 8,5 раз. См. Россия в цифрах. 2006. С.114.
17. По заявлению Министра финансов А.Кудрина на конференции в Нью-Йорке, годовой доход на душу населения в России составлял 2200 долл., и это при среднем мировом доходе в 5,5 тыс. долл. С тех пор эта цифра (с учетом инфляции и вследствие снижения котировки доллара) возросла до 3 тыс. долл.; но и средний мировой доход за это же время поднялся до 6 тыс. в год. Великая держава по средним доходам населения находится где-то на границе с «третьим миром», а при нашей поистине скандальной дифференциации в доходах большинство населения находится за чертой бедности. Если ранее эта черта обозначалась доходом менее 4 долл. на душу в день, потом – 4,5, то ныне правительство США повысило эту черту практически до 7 долл. в день на человека. Где мы сейчас находимся?

18. Лужков Ю.М. Развитие капитализма в России. Сто лет спустя. Спор с правительством по социальной политике. М., 2006. Автором приводятся данные социологов, из которых следует, что в бедности пребывает около 60% населения страны, из них 20% – в состоянии нищеты.
19. Более обстоятельный разбор этих вопросов см. Руткевич М.Н. Социальная структура. М., 2004.
20. О причинах падения коэффициента фертильности см. в книге, указанной в предшествующей сноске, гл.8.; Руткевич М.Н. О будущем русского этноса // «Свободная мысль-XXI». 2004, № 1.
21. Бобков В. В тесноте и обиде живут более 50 млн россиян // «Российская газета». 2006, 9 февраля.
22. Львов Д.С. Экономика развития. М., 2002.
23. Руткевич М.Н. Зачем отсрочка от армии богатому студенту? // «Правда». 2005, №95; *его же*. Не пора ли призывать на срочную службу 1 млн студентов частных вузов? // «Военное обозрение НГ». 2006, №12.
24. Социально-экономическое положение России-2006 год. С.265.
25. Там же.
26. Россия в цифрах. 2003. С.27.
27. Там же. С.291.
28. Панкова Т.А. Реформа системы образования в 90-е гг. М., 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1 ИНДЕКС ОБРАЗОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (ИОН) И МЕТОДИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ К РОССИЙСКИМ УСЛОВИЯМ	11
ГЛАВА 2 ПЕРИОД 1897–1914 ГГ.: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ	26
ГЛАВА 3 СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ДОВОЕННЫЙ ЭТАП	29
ГЛАВА 4 СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЭТАП	34
ГЛАВА 5 ОБРАЗОВАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПРОЦЕССА.	47
ГЛАВА 6 ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	63
Литература	69

Научное издание

**Руткевич Михаил Николаевич,
член-корреспондент РАН**

**Образованность населения России
конца XIX–начала XXI вв.**

Ответственный за выпуск – *Дейниченко О.В.*

Компьютерное макетирование
М.Л. Уранова

Подписано в печать 23.11.07. Формат 60×90^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 4,5.
Тираж 400 экз.
Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский
комбинат ВИНТИ».
140010, г. Люберцы, Московская обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554–21–86